

ГРАДУС

ВИЖУ ЗЛО. СЛЫШУ ЗЛО. ГОВОРЮ О ЗЛЕ

ТРИГАДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эра Думер
Тригада

«Автор»

2026

Думер Э.

Тригада / Э. Думер — «Автор», 2026

Гады — так называют людей со сверхспособностями. Кто-то читает мысли, кто-то — регенерирует. А трое грабителей, собранных по принципу игры в «Мафию», стали гадами не по ошибке природы, а благодаря Доктору, работающей на Дона. Дон Мафии хочет, чтобы Шериф, Маньяк и Путана развалили финансовую империю Паксмана. Паксман держит высший свет за горло — у него есть компромат на каждого богача Города. Но он допустил три ошибки. Паксман кинул прикормленного полицейского, привыкшего к роскошной жизни. Уволил чёрного коллектора, мастера изысканной борьбы с должниками. Подставил охранника, ветерана войны. Они образовали триаду гадов. Город засыпает. Просыпается Тригада. Отборный броманс+ для фанаток Гая Ричи, «Пацанов» и «Правил выживания в Джакарте».

© Думер Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предупреждение	5
Посвящение	6
Эпиграф	7
ТРИ ГАДА	8
ШЕРИФ	12
ТРИ ГАДА	17
ПУТАНА	21
ТРИ ГАДА	26
МАНЬЯК	30
ДОКТОР	37
ШЕРИФ	40
ПУТАНА	46
МАНЬЯК	52
ДОКТОР	64
АДВОКАТ	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Тригада

Предупреждение

Содержит нецензурную брань, сцены курения и употребления алкоголя. 18+
Любые события и герои, описанные в книге, являются художественным вымыслом. Все совпадения случайны.

Посвящение

Шли всех к черту, белая ворона. Я горжусь тобой.

Эпиграф

«Сытый голодного не раз имеет»(из сатирических заметок моего отца)

ТРИ ГАДА

С голов содрали мешки и швырнули троих в душную камеру. Решетка лязгнула, магнитный замок пронзительно пискнул, и зеленый индикатор сменился ядовито-красным.

Свет резанул по глазам, на запястьях засадили следы от стяжек.

Один из заключенных — гора мышц с рекламным лицом сети спортзалов — сразу вляпался в зловонную лужу. Он только грозно засопел, разглядывая следы капель на штанине.

— Эта рубашка дороже, чем вы, мудацье! — кинул в адрес похитителей второй, брезгливо отряхиваясь. — И здесь воняет, как в сортире.

Он тоже находился в превосходной физической форме, но другого сорта: холеный и смуглый, в дорогой «косухе».

Типичный альфа-самец со стабильным доходом и привычкой вымещать ярость на неодушевленных предметах вроде офисного кулера или детского велосипеда, брошенного поперек дороги.

— Нет, серьезно, несет мочой.

— Мы услышали, — раздался спокойный голос. — Не обязательно повторять. Или у тебя фетиш?

Смуглый резко обернулся. В углу пристроился рыжий парень в тонких очках, с безупречно уложенными волосами и черной жилетке поверх белой рубашки. На руках — красные кожаные перчатки, слишком дорогие для такой дыры. На фоне двух верзил он казался почти хрупким, хотя был поджар.

Пузырь, Лапоть и Соломинка. Скверная сказочка началась.

— А вот и источник вони! — Смуглый шагнул к Соломинке и грубо вздернул за воротник, поднимая на ноги. — Уже обоссался, мамочкин ангелочек?

Рыжий не сопротивлялся. Повис в его руках, не обмякая, а просто позволяя держать себя. Смотрел он не в глаза, а на пульсирующую жилку на шее противника.

— Нет, — ответил он. — Но ты, кажется, очень хочешь, чтобы это был я. У тебя точно пунтик.

Смуглый от такой наглости оскалился и с силой впечатал его в стену. Очки рыжего слетели на бетон.

— Ты сейчас у меня языком эту лужу вылижешь, — прорычал Лапоть, наваливаясь почти вплотную.

От смуглого тянуло дорогим парфюмом. Он производил впечатление человека, который привык обливаться им с головы до ног, но сейчас аромат едва теплился.

Пока Лапоть прессовал Соломинку, Пузырь сосредоточенно тер джинсы, пытаясь отскрести вонь. Влезать он не собирался.

Рыжий выдержал чужую близость без единого лишнего движения. Скользнул взглядом по губам смуглого, потом снова по шее и сухо спросил:

— Я подниму очки?

— Валяй, придурок.

Лапоть ослабил хватку. Соломинка медленно опустился, зацепил аксессуар и, вернув его на переносицу, замер на корточках. Смуглый, решив поставить жирную точку в вопросе «кто тут хозяин», резко зарядил ему с ноги в живот.

Рыжего отбросило к стене. Он коротко выдохнул, но не согнулся. В его взгляде за стеклами очков промелькнуло нечто такое, от чего у смуглого на затылке зашевелились волосы.

— Один-ноль, — тихо сказал Соломинка. — Твой ход был лишним.

Лапоть нарочито вальяжно отступил и достал из нагрудного кармана игральную карту. На черной «рубашке» красовался адрес точки, откуда каждого из них похитили на контейне-

ровозе. С обратной стороны — красный силуэт бородатого мужчины со звездочкой на груди и подпись: ШЕРИФ.

— Я здесь по приглашению. И если гребаная протокольная морда в кассу, — махнул на Пузыря, — то офисным крысам следовало греть задницу дома.

«Протокольная морда» с глубинным «гм-м» зыркнула на Шерифа. Он поковырялся в кармане замызганных штанов и выудил измятую карту с женским силуэтом. Показал ее соседям по камере.

— «ПУТАНА», — прочитал Шериф и прыснул со смеху. — Ну и карта тебе досталась, верзила. Сочувствую.

Путана промолчал. Его свирепый взгляд свидетельствовал о том, что пособолезновать вскоре придется остряку.

Соломинка тихо произнес:

— Ты смеешься над Путаной, а сам — коп-коррупционер с картой защитника мирных жителей.

— Что ты вякнул?..

— Перефразирую: продажный легавый — Шериф. Это гипокризия.

— Ты ни хрена не знаешь.

Уши Шерифа покраснели.

— Должен признать, — продолжал рыжий, — я интересуюсь людьми, для которых закон — пустой звук. Ты паршивый полицейский, но талантливый взяточник.

Шериф шагнул к нему и снова сгреб за грудки:

— Слушай сюда...

Соломинка плавным движением выставил карту, изображающую мужчину с ножом.

«МАНЬЯК».

Шерифу стало не по себе от того, как близко он стоит к этому странному типу. В нем было что-то одновременно отталкивающее и притягательное — наверное, льдисто-голубые глаза. Сканирующие, но абсолютно пустые. Как у матерых убийц. В таких, как Маньяк, не камнями кидаются, а трусиками.

— Интуиция — полезная штука, капитан Шестерня, — Маньяк убрал карту. — Сейчас она говорит тебе отойти. Послушай ее.

— Откуда ты... — Шериф откашлял хрипотцу. — Откуда ты знаешь это погоняло?

В ответ ему так пристально посмотрели в глаза, что засосало под ложечкой. Он фыркнул и отошел.

— Маньяк, Путана и Шериф... — Маньяк методично подтянул перчатки. — Любопытный набор.

Шериф прошелся по камере, прикидывая, что можно говорить, а что пока лучше оставить при себе. Один из этих двоих уже знал о нем больше, чем следовало. Но сейчас важнее было другое.

— Меня завербовали, когда я попытался сделать ставку в «Файв Лейкс», — он растрепал угольные волосы за виском. — Я расспрашивал Уличных Псов про подпольные мордобои, хотел подзаработать. Про мой интерес наверняка прознали и похитили на эти вонючие бои.

— Нас собрали не ради боя, и не Уличные Псы, — твердо сказал Маньяк.

Шериф усмехнулся:

— Выгораживаешь мафию? Ты, может, и не клерк вовсе. Чья-то дорогая игрушка? Гад? Экспериментальный образец?

— Я не гад.

— Ладно, это шутка, все не гады. Их истребили еще на войне. Мне тридцать один, я не воевал. А вот блондинистая глыба постарше. Молчун, из тебя вояки сделали сверхчеловека?

Путана, рассматривающий клетку, покачал головой. На острых скулах перекатились желваки.

— Слушай, а ты немой или просто дурачок?

В ответ ему показали неприличный жест. Провокатор со смешком присвистнул:

— У тебя даже пальцы как накаченные сардельки. Ты, может, и в член стероиды колешь?

Пока Шериф цеплялся ко всем подряд, как кусачая шавка, Маньяк осматривался. Бетонная «коробка» в шестнадцать квадратов, глухие стены, прочная решетка. Ни нар, ни унитаза — значит, они не в тюремном учреждении. Маньяк поднял голову и увидел крохотное окошко вентиляции и кинескопный телевизор на полке-кронштейне. В углу моргала допотопная камера видеонаблюдения.

Маньяк склонил голову набок, глядя в объектив.

— Мы подопытные, — предположил он.

Шериф нахмурил густые брови и пустился в рассуждения:

— Трое мужиков... Сколько вам лет?

— Двадцать девять и четыре месяца, — отозвался Маньяк.

Путана показал на пальцах тридцать семь. Шериф зашел с другой стороны:

— Я валимистанец, но с запада. Ландария аннексировала наши земли в первые годы войны... ну вы знаете, так что, — потер мочку уха, — отчасти ландарец. А вы?

Оба подтвердили, что ландарцы. Ничего, конечно, этот пункт не прояснял. После Великого Синтеза все поголовно — горожане, жители Города. Маньяк жил в Центре, у океана, а Путана кантовался в провинции.

— Кем работаете?

Путана с пыхтением опустил голову. Маньяк оговорился, что в последние три года работал банковским служащим, и добавил:

— Со мной недавно попрощались.

Путана кивнул и жестами показал, что его история аналогична — банк, увольнение. У Шерифа блеснули глаза:

— Паксбанк?

Оба кивнули. Шериф смачно выругался и, потирая переносицу, выдохнул:

— Ну конечно. Паксман и сюда дотянулся. Я крышевал его, пока этот ублюдок меня не кинул. Вот и точка пересечения.

Телевизор включился с громким щелчком. Экран покрылся рябью — взгляды троих прилипли к нему. Проявилась картинка: карта с мужчиной в федоре и алым цветком в петлице.

— Вы умерли, ублюдки. И попали в мое гребаное чистилище. Ваше право — подтереть сопли и показать, на что вы способны.

— Это что за хрен? — с вызовом спросил Шериф.

— Вы просидели в клетке восемь минут сорок три секунды, пока не выполнили первое элементарное задание. Честно говоря, это на пять минут дольше, чем я рассчитывал, — продолжал диктор. — Поздравляю: лимит терпения исчерпан. С этой секунды я не буду с вами цацкаться. Запускаю таймер.

На экране вспыхнули красные цифры — обратный отсчет пошел с 07:00.

— Мне это не нравится, — сказал Маньяк.

— За семь минут выберите из этой крысиной норы, — продолжал голос. — Проползите по моим кишкам. Докажите, что стоите чуть дороже крови и дерьма тех ссыкунов, которых до вас замочили в этой камере. — Голос понизился. — С вами говорил Дон Мафии. С моими консильери, Доктором и Адвокатом, вы познакомитесь, если пройдете огонь, воду и медные трубы. И, разумеется, переживете встречу с мирными жителями. Вперед, крысеныши. Только юбочники подберите.

Экран погас, на миг оставив в темноте логотип: четыре масти, сплетенные в одну. Таймер начал отсчет.

Шериф замахнулся, будто хотел ударить телевизор, но просто вlepил себе по лицу, оттягивая кожу вниз.

— Полный...

ШЕРИФ

— Женский половой орган.

— И где ж ты это углядел? — не понял Майк.

— Анатомию в школе учил. Видишь? — Я помахал ладонями перед полотном. — Все при ней. Никакая это не ракушка.

Майк вскинул желтую от табака ладонь:

— Не обычная ракушка, а Гистероконха Дионе. Раньше ее называли Винус Дионе. И да, в образе присутствует детородный мотив...

— Да мне плевать на мотив, — отрезал я. — Я не хочу, чтобы в моем новом коттедже первым делом гостей встречала вагина Венеры. Ко мне, напоминаю, приходят люди из серьезных структур. Они в арт-индустрии не шарят и испорчены сильнее тебя.

Не подумайте, я не капризный сукин сын. И уж точно не женоненавистник. Мне нравилось, как сияла белоснежная стена — будто ее драили ангелы с obsессией на хлорке. А вот это сиренево-розовое недоразумение меня бесило.

— Тем лучше, — фыркнул Майк. — Кто не разбирается, решит, что ты, наоборот, рубишь фишку. Никто не скажет вслух слово на букву «в», даже если оно весь вечер будет вертеться у них на языке.

Я прищурился, облокотившись о перила:

— Майк, дружище. Я не буду жить в доме, где со стен на меня таращатся гигантские влагалища.

— Детородный мотив, — машинально поправил он.

— Мотив у тебя в штанах.

Майк картинно поправил шарф:

— Боишься женской анатомии? Шовинист и коррупционер. Прелесть какая.

— Все, — сказал я. — Забирай свою порнографию и вали нахрен из моего коттеджа, купленного, плак-плак, на грязные бабки.

— Это искусство. Модное и дорогое. Автор — известный среди сливок общества художник-концептуалист.

— А мне без разницы, за сколько продается этот творец вместе со своей мазней. Одну ночь, Майк. Только потому, что сегодня новоселье и мне лень с тобой срать. Завтра эта красота отправится на свалку.

Он просиял:

— Ты еще влюбишься в нее.

— Скорее ослепну.

Полотно мягко подсвечивалось. Я смотрел не на ракушку, а на свет. Закрывая глаза, продолжал наблюдать белый прямоугольник, окаймлявший пустоту.

Увидь меня сейчас отец — с бокалом «Дом Периньона» напротив розовых губ картины — сказал бы, что я маюсь дурью. А узнай он, что я пешка Паксмана, цепная Шестерня — отмудохал бы до потери пульса.

Знаешь, что? Мне тридцать один, и я — капитан полиции. А малолетних капитанов ты видел только у Жюля Верна, да? Так что пошел ты на хер, папа.

Я в один глоток осушил бокал и пошел в народ. Курсировал между гостями по отработанной схеме: одним — комплимент, вторым — подлить бухла, третьих — поцеловать, кого-то даже в шею. И по кругу. Главное — не перепутать и не засосать кого-то из офицеров Коалиционных Сил.

Их разговоры — тот еще детородный мотив.

Два майора оккупировали мой бар с тридцатилетним виски. Тот, что помоложе, с родимым пятном на щеке, наседавал на старшего, Майлза:

— Нам стоит обсудить ситуацию на Восточном фронте. Что говорит руководство?

— Какая разница, Льюис? Пыль улеглась, флаги подняты. Пусть политологи и новостные шакалы теперь копошатся на этой информационной свалке, им за это платят.

— Эти шакалы как раз за дело нам ноги грызут, — Льюис наклонился к старику и показал три пальца. — Три диверсии на периферийных линиях за прошлую неделю.

Майлз со вздохом отхлебнул виски.

— Кон-Дактур. Придумали же название, хреновы радикалы. Пацаны из каменного века, вооруженные тем, что мы сами им и бросили при отходе. Молились на нашу ржавчину, а теперь взрываются вместе с нашими патрулями ради места в дурацком карго-раю. Мы им цивилизацию несли, а они нам — фугасы.

— Говорят, у них новый лидер. Ведущий. Слышал, — Льюис понизил голос, — что он — горожанин. До войны служил в Вооруженных Силах Ландарии.

У-у. Ландария и Валимистан. Запад и Восток. Про эти бывшие сверхдержавы сейчас вспоминают, только чтобы покачать головой: мол, как отстало жили предки. Начистоту: война высосала из стран все соки. Пушечного мяса и ресурсов тупо перестало хватать, и тогда шишки по обе стороны подписали пакт о создании единого коалиционного государства — Города. Если б география пела по нотам геополитики, материка бы и физически слились в экстазе.

Теперь нет старых границ. Есть провинции Ландарско-Валимистанского Наследия, аграрные сектора и автономные государства вроде Росского Союза, Бхаватии, Эйденской Республики, Романа-Тарриды и Пиньяна. Причудливый административный кадавр.

Майлз мотнул головой и заметил меня. Я тут же отвернулся к картине, покачиваясь на каблуках. Майор поспешил свернуть базар:

— Короче, Осколочную Войну мы прошли не ради этих бабах-ассасинов. Обычные фанатики, легко задушим. — Он допил виски и со стуком опустил стакан на стойку. — А теперь завязывай портить вечер. Выпей чего-нибудь.

Осколочная Война. Симпатичное название для двадцатилетней мясорубки.

Но мне повезло: едва я дорос до призывного возраста, как наверху решили, что Ландария и Валимистан больше не грызут друг друга глотки, а дружно строят общий Город. На бумаге все выглядело красиво. На практике безногий ландарский ветеран не пожмет руку валимистанцу. Потому что у валимистанца ни черта нет руки — ее оторвало ландарским снарядам.

Побухтели, побастовали, потом устали. Война без победы — что секс без оргазма. Ничья — незачет. Так что бывшие военные сделали единственное, что умели хорошо, — пошли в криминал. Кто в рэкет, кто в оружие, кто в «живой» трафик. А самые пугливые граждане дружно побежали под крыло Департамента общественной безопасности, куда новое государство вбухало полказны.

Я поступил в полицейскую академию по одной причине: заглушить в голове голос отца, твердивший, что я позор рода. Мой папаша, морпех, искренне верил, что маман нагуляла меня от друга семьи, сеньора Гонсалеса — чувака с гигантским хером. Так отзывалась о его достоинстве сама маман, надираясь джин-тониками с подружками. Фантазии это были или реальность — история умалчивает.

Но гонсалевская порода с годами во мне расцветала, и не только в штанах. Физиономия вышла не мясистой и плоской, как у папы, а смазливой. В коротких увольнениях, когда отец глушил текилу и раздавал нам с матерью тумаки, он любил хватать меня за лицо и угрожать, что «выдавит эти гонсалевские зеленые глазенки».

Однажды он вернулся домой в цинковом макинтоше. Мы с матерью выдохнули.

А раз уж природа одарила меня здоровым членом, я решил показать Городу, кто тут папочка.

Сначала я честно пытался быть хорошим копом. Хватал карманников, таскал шлюх, ждал, что начальство оценит мой пыл и прикормит лычками. Потом понял, что в этой системе куда выгоднее не ловить паразитов, а доить их. Получил лейтенанта, стал крышевать кого надо, и мы с матерью наконец начали жрать досыта.

А в двадцать семь я сидел на унитазе, листал каталог недвижимости и пускал слюну на виллу у побережья. У маман как раз обострилась астма. Я подумал: хватит мечтать, пора расширяться.

Тогда я и подцепил Лайонела Фроста, советника губернатора Центрального округа. Чистенький, беленький, ни взятки, ни секс-скандалов — верный жене, которая коллекционировала «утраченные шедевры». Через знакомого барыгу я аккуратно подсунул ей подлинник, вывезенный мародерами из разбомбленного музея Валимистана. Выждал месяц, пришел к ним на чай и положил на стол папку с документами.

Владение военным трофеем — статья.

Чинуша побледнел так, что я испугался за его мотор.

«Оставайтесь на посту, советник, — сказал я. — Просто теперь ваша польза Городу будет заключаться в том, чтобы восхищаться талантом молодого полицейского».

Он восхитился.

Фрост начал лоббировать меня наверх, а там подключился Генри Паксман. Навел справки, оценил мой стиль и решил, что я ему пригожусь. Я, в свою очередь, сразу приметил его связи, медийную дубинку и кошелек без дна.

Дальше все пошло быстро. Люди Паксмана затянули в совете песню про омоложение кадров, его медиа полировало мой образ, его фонд сыпал грантами, и в двадцать восемь я стал самым молодым капитаном в истории Департамента — главой Отдела по борьбе с оргпреступностью.

Первый звонок с нового рабочего телефона я сделал Паксману.

«Добро пожаловать в большую лигу, капитан», — сказал он.

Надо признать, аппетиты у меня побольше члена, и после назначения они взлетели до небес. Вилла превратилась в коттедж с двумя бассейнами. Гараж забился новыми тачками. Я — настоящий гангстер, нагнувший Город!

И я не заметил, как в процессе купания в роскоши раком поставили меня самого.

Но вернемся на вечеринку.

Я отошел обновить стакан и наткнулся на детектива Барковица. Суетливый крысеныш в стремном костюме. И кто его впустил?

— Капитан, простите, что отрываю, — заблеял он, — но по поводу той строительной артели...

Ага, разбежался. Артель — «стиралка» Паксмана, которую я же и покрываю.

— Я, кажется, давал тебе другое задание, — холодно отрезал я. — Ты проверил ту логистическую контору?

— «Кант, Лобри и Ко»?

— Да, «лубрикантов» этих. Информатор шепнул, что они провозят нелегалов в контейнерах. И контрабанду. Найди зацепку и доложи. Про артель забудь.

— Сэр, но они чисты как слеза младенца, клянусь!

Последние слова он выдохнул сдавленно: я шагнул вперед, жестко впечатал детектива спиной в барную стойку и, ласково улыбаясь для публики, поправил ему воротник.

— Слушай сюда, Барковиц, — процедил я. — Если хочешь премию в конце месяца, напряги задницу. Копы что, разучились подбрасывать улики?

— В-вы предлагаете подстроить... перевоз нелегалов?

— Масштабно мыслишь! За такое премия будет пожирнее. — Я рассмеялся, и детектив нервно хихикнул следом, думая, что это шутка. Я дернул его на себя: — Если провалишься, станешь леденцом для зеков. Услышал меня?

— Д-да, сэр.

— Ну и славно. — Я похлопал истукана по груди. — Иди, пожуй устриц. Океанский свежачок.

Барковиц поплелся прочь. Я закинул в рот виноградинку.

«Лубриканты» мешали Паксману. Генри хотел их маршруты, портовые квоты и, что важнее, «зеленый коридор» — возможность гнать фуры через таможеню без досмотров. Владельцы конторы оказались людьми идейными, из тех, кто верит в честный бизнес и прочую чепуху. А раз они не продаются, в дело вступает план «Б».

Мигранты в контейнерах — мелочно, даже по-расистски (смею напомнить про валими-станский «живой трафик»). А вот пара ящиков с ландарскими «искрами» вперемешку с поддельными паспортами — это уже серьезный разговор. Контрабанда армейского спецнаряжения в грузовиках крупнейшего перевозчика? В таких количествах? Вы готовите переворот? Да на такое дело у Департамента безопасности колом встанет. «Лубрикантам» светит не беспонтовый штраф, а полная заморозка активов и обвинение в содействии террористам из Кон-Дактура.

Активы заморозят, а Паксман посадит туда своего антикризисного менеджера.

Меня частенько принимали за тупого мажора, но я неплохой стратег. Охренительный стратег — даже Паксман советовался со мной. Я предложил ему скупить через подставные лица долги и переманить ключевых клиентов, пока ведутся судебные процессы. Через полгода от «Лубрикантов» останется лишь их воняющий ароматизаторами-елочками бренд, который Паксман вошьет в свою империю.

Стоило о нем вспомнить — и нарисовался собственной персоной. Сперва дал себя заметить. Лишь когда я отвернулся от панорамного окна и чуть приподнял бокал в приветствии, улыбнулся.

Генри Паксман, сорокапятилетний мужчина с внешностью странствующего философа, лениво взмахнул двумя пальцами:

— Здравия желаю, капитан. — Банкир говорил глубоко и растянуто, как ленивый кот. — Нравится вид?

— Вы про пейзаж или высокое искусство? — я подхватил с подноса официанта бокал и протянул Генри.

Он любовался Дионе-Какой-То-Там.

— В искусстве, как и в нашем деле, капитан, ценятся два качества: смелость и стоимость. — Он пригубил «Периньон». — Взять Караваджо. Гений, кто спорит. И при этом бешеный пес. Для покровителей — сплошной убыток и риск. Но свалка истории его не приняла. Не так важно, что происходит «сейчас», верно?

— Не будь он гением, спонсоры бы его не держали, — парировал я, ошетиниваясь. — Попал в тренды — вот и все.

— Возможно. Но тренды — вещь переменчивая: сегодня фрейдизм, завтра постмодерн. А кто-то должен обеспечивать стабильность. Следить, чтобы картины не заливали краской активисты, чтобы инвесторы не нервничали. Это скучная реставрационная работа, капитан. И очень дорогая. Особенно когда у «реставратора» просыпается вкус к яхтам. Одна — для души. Две — для инвестиций.

— А три — это уже морской бой, — процедил я. — Не травите этой игристой мочой, Генри. Отойдем в тихое местечко.

Я похлопал Паксмана по спине, уводя подальше от чужих ушей и мозолящей глаза «ракушки». В кабинете я усадил его в глубокое кресло, а сам пристроил зад на краю белого лакированного стола. Погладив безупречную поверхность столешницы, игриво усмехнулся:

— Кажется, мы не с того начали, Генри. — Я выудил из бара-глобуса бутылку виски «на пожарный случай». — Выдерживался дольше, чем я на свете живу. Собеседник постарше нам не помешает.

Паксман задумчиво поглаживал усы, пока я разливал. Он стукнул своим стаканом о мой и выпил залпом. Я пить не стал — отставил виски и сцепил пальцы в замок.

— По поводу «Лубрикантов». Я не хочу денег от этой сделки.

— И чего же ты хочешь? — Генри посмотрел на меня всепроникающим взглядом.

— Наличные — это для шестерок. Я хочу один из ваших инвестиционных займов. Чинно-благородно, с печатью банка. Чтобы вместо отката все видели мое светлое финансовое будущее. Кроме тех, кто решил, что смеет плавать в городских водах без моего разрешения.

Ни одна мышца на его аристократической морде не дрогнула. Паксман поставил пустой бокал на столик и откинулся на спинку кресла.

— В Отделе по борьбе с экономическими преступлениями много талантливых парней. Они способны делать твою работу дешевле и чище. Без выступлений.

Вот и все. Маски сброшены.

Я усмехнулся и ответил раньше, чем успел остыть:

— Голодные щенки лают громко, Генри. Но они путают следы и гоняются за кошками. Чтобы вести настоящую охоту, нужен волк, который видит засады и помнит запах под хвостом у каждой суки. И этот волк до сих пор ни разу не промахнулся. Моя работа стоит ровно столько, потому что я — лучший в этом дерьме. За три года я залил бетоном фундамент вашей империи. Считаете по-другому? Подловите меня.

Я сложил руки на груди. Уголки его губ дрогнули в подобии улыбки:

— «Лучший». Любопытное слово. Протухает быстрее тех тошнотворных устриц, которыми ты пичкаешь гостей. Продолжай в том же духе.

Паксман поднялся и по-дружески сжал мое плечо. Но уже в дверях обернулся:

— Постарайся привыкнуть к картине, капитан. Она задает тон твоему дурновкусию и напоминает о сути вещей. О том, что все мы вышли из единого места трудами акушеров, но в конечном счете окажемся под землей стараниями гробовщиков.

Лишь дверь за ним закрылась, мой стакан разлетелся о косяк стеклянной крошкой.

— Ты что, сукин сын, — прошептал я, погружаясь в тревожно-синий свет, — сейчас угрожал мне убийством?..

ТРИ ГАДА

За прутьями стоял вязкий полумрак. Из черноты тянуло горячей железистой сыростью. Бесперывно гудело что-то напоминающее авиационные турбины. В камере было зябко. Ледяной воздух из вентиляхты пронизывал до костей.

Разглядеть, что снаружи, дальше пары шагов, мешали пар и слепящий экран телевизора, откуда вещал псих.

Путана покачал головой и неуверенно промычал.

Шериф взглянул на красные цифры 6:51 и тряхнул головой.

— Если розыгрыш, то дерьмовый, — фыркнул он.

— Необходимо покинуть камеру за отведенное время, — сказал Маньяк. — Такого задание.

— А ты всегда делаешь, что скажут? — прищурился на него капитан. — И не таких ломали. Однако выбираться надо в любом случае.

Шериф мерил камеру шагами, ероша волосы. Анализировать толком было нечего. Вентиляхта узкая, даже крыса не проползет. Клетку запирали электронный замок с сенсорной панелью.

Шериф выдохнул:

— Можно было бы замкнуть питание панели, но у нас нет времени на фокусы.

Маньяк встал рядом с Шерифом, коснулся прутьев и тут же отдернул руку:

— Горячо.

— Чего? Да у меня зуб на зуб не попадает, — подбоченился капитан.

Однако, подойдя к преграде вплотную, ощутил кожей контраст температур — за решеткой стояло пекло. Он почесал мизинцем в ухе:

— Звук такой, будто мы в какой-то адской машине. Валим, пока нас не перемололо.

Пальцы в красных перчатках скользнули по стене. Маньяк сказал:

— Решетка приварена намертво. Применим рычаг.

— Надо же, первая путная мысль, — Шериф смерил его оценивающим взглядом. — Но как мы...

Глаза остановились на телевизоре. Чтобы исполнить идею, капитан задействовал Путану:

— Подсади меня.

Тот сопротивляться не стал и, упершись спиной в стену, сцепил ладони в замок. Шериф встал на них, как на подножку, и подтянулся.

— Держи крепче! — рывкнул он и подсунул пальцы между стеной и кронштейном.

Шериф сорвал телевизор и швырнул на пол. Маньяк отступил от места, откуда через секунду разлетелись осколки, ровно на шаг.

Потемнело, и через щели в камеру просочился багровый отсвет.

— Зато таймер больше не нервнует. — Шериф вытащил зажигалку из кармана и поднес пламя к головке винта, удерживающего кронштейн. — Если его посадили на фиксатор, нагрев поможет сорвать резьбу.

Маньяк завел хронограф на наручных часах и ровным голосом сообщил, что осталось чуть меньше шести минут. Путана похлопал Шерифа по голени, поторапливая. Колесико зажигалки быстро раскалилось и начало обжигать палец, а винт все не поддавался.

— Без отвертки мы тут сдохнем, как остальные, — проворчал Шериф. Его взгляд упал на Маньяка. — Дай свои очки.

Тот медленно снял аксессуар, посмотрел на него и на Шерифа.

— Я без них почти ничего не вижу.

— Я тебе глаза выколю, дай сюда!

Путана протянул свободную ладонь, второй все еще придерживая негласного лидера. Маньяк, подумав, все-таки аккуратно передал очки.

— Не ломай дужки. Они стальные, — посоветовал Маньяк. — Используй как шлицевую отвертку.

Шериф на секунду замер, глядя на него. Потом хмыкнул и отломил пластиковый шарнир. Хруст отозвался на бледном лице хозяина: как будто кто-то провел гвоздем по стеклу.

Шериф стиснул зубы, сгибая металл, но тот упрямо пружинил обратно:

— Да что за хрень...

— Сталь, — напомнил Маньяк и вгляделся в циферблат. — Шевелись, времени мало.

Шериф всадил металлический штырек в головку винта. Первый поддался сразу, второй — после отчаянной возни. Путана уже менял затекшие руки, когда коп наконец навалился на кронштейн всем весом и выдрал его вместе с креплениями.

Путана не успел перехватить его вес.

— *Айя верга...* — Шериф потер ушибленную поясницу. — Ха! Получилось.

Маньяк нащупал щель между дверью и косяком. Пальцы нашли нужное место раньше, чем Шериф успел подняться на ноги.

— Вставляй сюда, напротив петель, — Маньяк отошел.

Шериф воткнул конец кронштейна в щель. Путана уперся плечом в решетку. Двое мужчин разом навалились на рычаг.

— И... давай! Еще! — Шериф изо всех сил потянул конструкцию на себя.

Мышцы Путаны забугрились, румяная шея вздулась до прожилок. Посыпался бетон.

— Еще!

Маньяк уперся в стену, чтобы хоть что-то разглядеть издали. Через ругань и машинное гудение прорезался отчетливый топот. Он задрал голову: лампы перемигивались. По стене, к которой он привалился, шла вибрация.

Рычаг сработал. Лопнул сварной шов — дверь перекосило, и ее подхватил Путана, чтобы уронить наружу. Она приземлилась, подняв ужасный шум. Шериф откашлялся и рванул Маньяка за запястье:

— У нас четыре минуты, — сказал он, посмотрев на циферблат его часов. — Ноги в руки, парни.

Маньяка передернуло от дерзкого прикосновения; он подтянул перчатки по несколько раз.

Они вывалились на задымленную металлическую площадку. В лица тут же ударило плотным жаром, от которого легкие скрутило до невозможности вдохнуть. Монотонный гул перерос в inferнальный рев. Шериф рефлекторно попятился. Каблук соскользнул с края платформы.

— Твою мать! — капитан замахал руками, ловя равновесие.

Его жестко схватили за ремень и дернули обратно. Тяжело дыша, он увидел вспотевшее лицо Путаны.

— Грас, амиго¹.

Путана коротко потрянул головой.

Когда глаза привыкли к оранжевой дымке, беглецов ошарашило увиденное.

Камера, из которой они выбрались, была встроена в технический балкон. Сами же они стояли на крохотном мосту, под потолком громадного колодца. Далеко внизу, в литейных ковшах, вспухали и лопались огненные пузыри, выбрасывая искры, гаснувшие в черном дыму. Жидкий металл лениво перетекал, озаряя стены багровыми вспышками.

¹ «Спасибо, друг» (западноалимистанский диалект)

— Мы в духовке, как гребаная индейка, — прошептал Шериф, вытирая закипающий пот со лба.

Узкий служебный мост шел вдоль по стене. Его конец терялся в ржавой взвеси. Пока коп с Путаной чесали затылки, Маньяк взобрался на платформу по ступенькам. Шериф заметил и рыкнул:

— Куда намылился? Держимся вместе.

— В камере холодно, — тихо сказал Маньяк, не оборачиваясь, — а снаружи высокие температуры.

Шериф дернулся, чтобы его остановить, но его прервал голос Дона — он прогремел из скрытых динамиков, стократно усиленный эхом:

— Крысята выбрались, но не спешите скакать до потолка. Докажите, что такие говнюки, как вы, в огне не горят.

С дальнего конца моста, где между трубами валил пар, выскочили двое спецназовцев в черной униформе. Хром театральных масок на миг ослепил.

Шерифа повалили первым, и Маньяк воспользовался заминкой, чтобы вырваться вперед.

— Б-беру на с-себя, — рыкнул Путапа.

Он шагнул назад, приняв стойку. Пока Шериф отбивался от одного охранника, второй занес острый наконечник багра над Путаной, но тот перехватил врага за предплечье и сломал руку.

Спецназовец не пискнул. Даже когда Путапа поднял его, держа за руки и ноги, как ярмо, и перекинул через ограждение. Не издав ни звука, туша упала в один из ковшей.

Маньяк, спотыкаясь и прощупывая стену, искал выход. Перчатки из натуральной кожи держали жар, а вот глаза и легкие — уже нет.

— Система охлаждения... — шептал он, задыхаясь. — Камера охлаждалась...

Шерифу удалось врезать охраннику по боку, но костяшки разбивались об огнеупорную броню. Его придушили — собственное вздутое лицо отразилось в металлической маске.

— С-сука... — Шериф в отчаянии тянулся к брошенному багру, но не дотягивался.

С железным звоном Путапа огрел «маску» рычагом, схватил обмякшее тело за одежду и перекинул через перила вслед за предыдущим. Он подал Шерифу руку, и тот, не медля, поднялся:

— Так ты болтун, амиго. Ссориться с тобой себе дороже. Я усек.

Путапа кратко ухмыльнулся, покачивая кронштейном. Шериф поднял багор и побежал по шаткому мосту.

— Где наш слепой Кролик с часами? Маньяк! Ты нас что, кинул? — Шериф бежал, пока не уперся грудью в ладонь.

Маньяк опустил руку и спросил:

— Вы их просто убили и даже не изучили?

— Мы не в гребаной лаборатории, умник, — огрызнулся Шериф. — Нашел выход?

Маньяк указал на узкий технический провал в стене, уходящий вертикально вниз.

— Перегрелся? Вниз нельзя! — Шериф отшатнулся от перил, глядя на кипящий оранжевый океан. — Мы там сваримся заживо.

— Смотри внимательнее, — Маньяк дернул его за рукав, показывая на конденсат, покрывающий нишу. — Это воздухозаборник охлаждающего контура. Рядом должен быть обслуживающий спуск.

Шериф пригляделся. Действительно, лестница спускалась в бетонный колодец, отгороженный от литейной зоны толстой переборкой из огнеупорного кирпича. Он наклонился: оттуда потянуло мощным сквозняком и тухлой сырой вонью.

Капитан коснулся горячего, но не обжигающего поручня лестницы:

— В темпе танго, парни.

Он натянул рукава кожаной куртки на ладони, перехватил поручни и начал быстро спускаться в тесную бетонную глотку.

— Клянусь... — донеслось из глубины, — если выживем, нажрусь в сопли.

Маньяк нашарил первые две ступени и юрко скользнул следом.

Путана замешкался. Не потому, что испугался за прочность лестницы и не потому, что струсил перед молчаливой охраной.

Его взгляд зацепился за вражескую маску, всплывшую на поверхность металла. В выпуклом хроме качнулось иллюзорное отражение обгоревшей морды в копоты, с лопнувшей кожей и пустыми глазами. Путана схватился за толстовку, перепутав завязки с проводами, и шарханул назад.

Он ударился в стену. Рот наполнила слюна и полилась через край, когда Путана принялся вызывать кого-то по невидимой рации:

— М-м-ма... м-ма...

ПУТАНА

— Майор Стивенсон, Буйвол на связи. Цель захвачена. Готовы к эвакуации. Прием.

— Прием. Принято. Выводите своих ребят.

От грохота снарядов и воплей командиров ухудшился слух: все время мерещился шум. Слова Майора прорывались сквозь гул.

Рация зашипела, я повесил ее на ремень. Собрал бойцов, обстрелянных парней. Майор Стивенсон пришлет машины, погрузим трофейные боеприпасы и вернемся на полигон. Это я и сообщил составу.

Операция «Катаклизм» — пример чистой работы. Вошли на территорию врага перед рассветом. Тихо положили вражеский патруль, взяли за десять минут «крепость» — так называли оружейные склады валимистанцев, разбитые в старых храмах покинутых деревень. В бывшем винном погребе нашли ящики с чипами для зенитно-ракетного комплекса. Задача выполнена.

Я дал людям пару минут передышки.

Гул возрос. Его слышали все — начали озиаться и задавать вопросы. Пыль на каменных плитах задрожала мелкой рябью. Бойцы дернулись и посмотрели в разные стороны.

Мы путали источник гула.

— Техника?

Не техника.

— Вертолет?

Нет.

— Новое оружие? Сверхзвуковое?

— В укрытие! — скомандовал я, затыкая ухо. — Угроза сверху... нет, снизу...

Звук не шел откуда-то конкретно. Он был в подошвах, в зубах, даже под ногтями. Секунду казалось, что сотрясается собственный череп. Завибрировала земля, мелко затряслись ящики со снарядами.

Я прислонился к стене здания и попытался связаться по рации с командованием:

— Прием. Буйвол на связи. Майор, тут какая-то... Пока выясняем природу явления. Действуем по протоколу десять-дробь-пять. Прием.

Связь пропала. Вместо нее шипел белый шум. Я переключал волны, но тишина. На миг мне показалось, что воздух перед храмом пошел волнами, как над раскаленной дорогой. Только солнце тут было ни при чем. Марево вздувалось то в одном месте, то в другом.

— Сэр, там что-то в небе! — заорал Риверс.

— Занять позиции! — гаркнул я. — Грин — крыша, Лентяй — найди безопасное место и вызови подкрепление, Риверс и Фишер — прикройте мне тыл, остальные держат периметр. Выполнять!

Все на местах. Контроль и порядок.

Я вышел на пустырь, держа ствол наготове. Небо треснуло. Горизонт на миг пошел ломаной линией. Свет дернулся, тени сместились, и меня опутала неестественная тишина. Отсутствие звука.

Я закричал — и не услышал себя. Собственный крик застрял где-то в горле. Чувствовал, как надрываются связки, но мир проглотил звук.

Поднялась песчаная буря. Ветер дул как попало: один вихрь крутился вправо, другой влево, третий стоял столбом на месте. Беззвучно завертелась вся деревня — камни, щепки, обрывки ткани, сухие кости. Песок не летел, как это бывает при нормальном природном явлении, а метался.

Я вскинул винтовку и выстрелил. Риверс с Фишером, свихнувшись, палили во все стороны. Они, как и я, ни черта не слышали. Как и я, не видели источника опасности и запанико-

вали. Риверс тарашился в небо, будто там что-то зависло над нами. Фишер, наоборот, пятился от пустого дверного проема и палил в черный провал, словно оттуда вот-вот кто-то выйдет. Остальных бойцов я не видел. Я вертелся между двумя и не понимал, кто из нас троих видит ложь, а кто — правду.

У нас не было с собой противогазов. Мы не ждали химической атаки. Или биологического оружия. Ядерного.

Не было ничего, к чему нас готовили. К тому времени я уже был уоррент-офицером и считался лучшим инструктором по рукопашному бою в батальоне, но мой опыт сдавал перед неизвестностью.

Сначала мне самому показалось, что под бронежилетом кто-то шевелится. Будто по ребрам ползет раскаленная проволока. Я рванул ворот, едва не сорвав застежку, и в тот же миг увидел Риверса.

Он слетел с катушек первым. Бросил оружие на землю, игнорируя мои приказы, и принялся раздеваться. Оголившись, сорвал с себя нижнее белье, взялся за тактический нож и соскабливать кожу. По его гримасе я догадался, что он вопит.

— Риверс! — я рвал голосовые связки, но никто не слышал.

Всякого навидался на войне, терял братьев по оружию каждый день. Но даже в самых кровавых боях не сталкивался с подобным кошмаром. Семидневная осада Шер-Будана, резня в Рабатском ущелье и взятие Вальмира — никакая из операций не стояла рядом по уровню безосновательного безумия, которому поддались мы все.

Фишер пропал в облаке песка. Риверс соскребал ногтем роговицу. Я стрелял: непонятно куда и в кого, а когда кончились патроны, взялся за нож. Показалось, что прямо передо мной в буре образовался контур чего-то огромного, вырезанный из песка. Я ударил туда ножом и полоснул воздух.

— Давай, сука! Подойди ко мне, блядь! — в беспамятстве орал я.

Он не шел. Оно не шло. Что это? Что это идет? Идет ко мне?

КУДА ОНО ИДЕТ? ЧЕМ ОНО ИДЕТ? ЗАЧЕМ ОНО ИДЕТ?!

Панику затормозил какой-то хлопок. После него мир будто на секунду вернулся в норму: я услышал собственное дыхание, скрип песка на зубах, чей-то захлебывающийся вой. И от этого стало только хуже — значит, безумие было не сном. Остатки самосохранения диктовали отходить — я сделал шаг, второй и наступил в вязкую субстанцию. Фишер сполз по стене, оставляя на ней кровавый след.

У меня вытекло что-то из уха. Дезориентированный, я брел среди тел. Бронежилеты, разгрузки, штаны, белье — все валялось отдельно, будто людей сначала аккуратно распаковали, а уже потом убили. Голая кожа быстро покрывалась песком.

Сквозь полуобморочное оцепенение расслышал хрипящее:

— Отход! Отход!

Звук доносился откуда-то снизу.

Рация. Я не мог принять вызов. Потому что никакой рации на мне уже не было.

Как и бронежилета. Кителя, майки... Я раздевался на ходу, тупо шагая вперед.

В желтизне мелькнуло оборванное движение. Короткое «а-а», как от пронесшегося поезда, привело в чувство. Еще одно нагое тело шлепнулось передо мной. Однажды в детстве я выловил медузу в океане и побежал показать ее матери. Споткнувшись, уронил ее на раскаленный асфальт набережной.

Медузу расплющило, как соплю.

Снайпера по фамилии Грин тоже.

Мой мир искажился. Мне двадцать четыре года, шесть из которых я провел на войне, но я обделался как младенец. Буря не оседала. Полураздетый под палящим солнцем я шел в неизвестном направлении.

Не знаю как, но я покинул бойню. Сил не осталось. Рухнул в песок. Изнуряющая жара жгла обкусанные губы, сушила слезы, стягивала солнечные ожоги.

Я сидел посреди дороги, когда рядом затормозил ландарский бронетранспортер. Смутные воспоминания: ко мне бегут пехотинцы, читают мой жетон, докладывают о чем-то по рации. Я слышал гул, который постепенно обретал оттенки звуков. Мне дали пару глотков воды, чтобы я не вывернул все обратно. Отвезли на базу, а оттуда — в госпиталь КГР на нейтральной территории.

Там мне задавали вопросы, а я молчал.

В одну ночь медсестра наклонилась надо мной, чтобы поменять повязки, а я увидел, что у нее изодрана кожа и отслоена кровавая роговица. Масками на нее накладывались отрезанные лица моих бойцов... я заорал.

— А-А-А-А!!!

Я отбросил одеяло, чтобы куда-то бежать, но по итогу согнулся на краю кровати. Звения бубенчиком и стуча когтями по полу, ко мне подбежал Джекс и полез лизать мне лицо.

Отдышавшись, похлопал пса по макушке.

— В-все хорошо, Джекс. П-ы-пы, — я выпятил челюсть, пытаюсь произнести слово, — па-ыапе кошмар п-пы-приснился.

Джекс, беспородный десятилетний бродяга, заскулил в ответ. Он смотрел на меня большими черными глазами, приподнимая седые бровки треугольниками. Дожил. Меня собственный пес жалеет.

Раннее утро. Уже не усну — чувал, лягу на подушку, и кошмар вернется. Потерев веки, скомандовал Джексу следовать за мной и поплелся на кухню, где навалил ему корма, а сам выпил чашку черного кофе.

В узкое окошко пробивался свет фонаря. Я слышал, как выли голодные койоты и громко тусовались подростки на «Блэкроке» — так местная гопота называла парковку около одноименного городского парка. По ночам они дрифтили и пили пиво. От визга шин и хлопков выхлопных труб я иногда просыпался ни свет ни заря. Пошел бы разбираться с малолетками, но опасался потерять контроль и навредить им. Однажды ударил в забор, чтобы запугать пьяного пацана, а он споткнулся и рассек бровь. Пришлось его самого везти в травмпункт и врать, что тот упал с велосипеда. После этого завязал.

Вместо этого отправлялся на пробежку. Надевал потрепанные кроссовки, толстовку с капюшоном и уходил в темноту. Моя дистанция была не для рекордов — ровно шесть миль. Не больше. Кости, прошедшие войну и контузию, после пяти лет на гражданке начинали напоминать о старых переломах.

Раньше со мной бегал Джекс, но он состарился в последний год и не тянул темп. Я выгуливал его после пробежки.

Маршрут был всегда один и тот же: от моего района — бывшего рабочего квартала с заброшенными цехами — вверх по серпантину грузовой дороги к мысу.

Около обрыва я останавливался и подолгу смотрел на черную воду. Меня успокаивали огни нефтяных платформ, на которых работало много бывших валимистанцев.

Я не злой и не политик, просто ничего не понимал. Каждый день возвращался в прошлое, чтобы переосмыслить события, как советовал доктор Перкинс. Меня демобилизовали за полгода до мирового пакта. После мясорубки в пустыне я месяц провел в госпитале, но рвался на фронт, чтобы разобраться, что произошло с моими парнями. Я подделывал анализы и врал в психологических тестах. В итоге меня выписали.

Стивенсон вновь взял меня под крыло, но временно не доверял мне командование. Я не мог отдавать четкие приказы из-за заикания. На сложные миссии меня тоже не отправ-

ляли. Майор по-человечески относился к бойцам, не как к пушечному мясу. Я не был для него исключением.

Однажды среди солдат услышал байку, что валимистанцы обзавелись передовым оружием. Сверхлюдьми.

— Эти гады и летать могут, и огнем плеваться! — вещал лопоухий лейтенант Уиллсон. — Некоторые из них — телепаты и гипнотизеры. Могут внушить какие угодно мысли. Вот, например, Шпала, ты чего боишься?

Шпала, жуя ореховый батончик, ответил, что боится жирной задницы его мамы, которая непременно сядет ему на лицо. Все заржали, я усмехнулся. Лезвие моего ножа лязгало по оселку.

— Она умерла еще пять лет назад, свинопас, — фыркнул лейтенант.

— О'кей, поправлю себя. Я боюсь жирной задницы твоей мертвой мамы на своем лице.

— На твое свиное рыло даже бомжика не сядет!

Мне хотелось приказать им замолчать, но заик не послушают и поднимут на смех. Один из офицеров помог, пригрозив, что «сам сядет каждому на лицо, кто что-то скажет про мать Уиллсона».

Посмеиваясь, мы молча наслаждались свободными минутами. Кто-то курил.

— Нет, если честно, — начал Шпала, — я хочу узнать продолжение. Вот боюсь я, чисто прикинуть, что на меня здание рухнет. Я, типа, погребен заживо, у меня переломаны конечности. Ну и что?

— Вот, брат, это еще только то, о чем известно твоему мозгу. — Уиллсон постучал по виску. — А сколько в нас потаенных страхов? Немерено. Представь, что один валимистанский ублюдок — сверхъестественный гад — псионик?

— Кто-кто?

Рука с ножом замерла, я поднял голову.

— Псионик — гад, способный влиять на разум других. Он может внушить тебе что угодно, например, дикий ужас.

— А м-может заставить б-бежать и п-падать с к-крыши?

Все обернулись на меня. Только офицер отвел глаза.

— Наверное... Я не знаю, Буйвол.

— Так, все, привал окончен, девочки. — Это был офицер. — Кончайте наводить маршфет. Вечернее построение через две минуты.

Бойцы потушили окурки, перешнуровали ботинки и разбрелись. Я тоже пошел, но меня остановила тяжелая рука офицера на плече:

— Понимаю, как тебе больно. Потерять столько своих пацанов за раз, из-за одного врага...

— Одного? — переспросил я, решив, что ослышался.

Офицер осмотрел меня с ног до головы и сочувственно выдохнул:

— В общем, не марай память о них во всем этом политическом дерьме, сынок.

Я не послушал офицера. Его слова дали мне повод для новых подозрений. Но как я ни искал гада-псионика, не нашел. Через пару недель сломал ногу со смещением, неудачно приземлившись с парашютом. Дурацкий закат моей военной карьеры — на крупную операцию меня так и не взяли. Для всех я остался «тем парнем, который побывал в мистической зарубежке и выжил». Даже не командиром, просравшим отряд. И не охотником, что одолел гада. «Тем парнем». Он сошел с ума, тот парень, и плачет по ночам. Тот парень никому не смог отомстить и не в силах совладать с демонами внутри.

После окончания войны в СМИ просочились слухи о том, что свернули двадцатилетнюю резню как раз из-за угрозы сверхъестественного характера. Я смотрел документальный фильм, в котором утверждалось, что гады вышли из-под контроля валимистанских ученых. Экспери-

ментаторы обратились к властям. Все могло вылиться в серьезную катастрофу, поэтому войну завершили в спешке и направили общие силы на истребление сверхлюдей.

Они среди нас. Я жил мыслью найти псионика, напавшего на мой отряд, но наводки вели в тупик и вскоре разорили меня. Военной пенсии, в условиях экономического кризиса, мне перестало хватать на то, чтобы жить обособленно и путешествовать в поисках врага. Тогда, в двадцать девять лет, я и озабочился поиском работы.

В то утро я вновь бежал домой мимо закрывающихся баров, минуя лужи нечистот и криминальные компании. Джекс встретил меня у порога, виляя хвостом, как будто я вернулся из величайшего военного похода. В его глазах, наверное, я так и выглядел.

— Завтракать? — спросил я почти без запинки.

Пес ответил звонким лаем. Он покрутился вокруг себя. Я поджарил яичницу с беконом, а Джексу наложил его любимого паштета. Усевшись с порцией за стол, поднес вилку ко рту, но Джекс подорвался с лаем, и я испачкал штаны.

— Д-джекс, м-место! — вытираясь, я подошел к входной двери, на которую брешил пес.

Открылась прорезь для приема почты, и на порог упала газета. Разносчик уехал, Джекс принялся обнюхивать «Сентрал Джоб». Я поднял ее.

Работа. Никаким наукам, кроме военного ремесла, я не обучен. Сразу отлистал до раздела «Без опыта». Среди вакансий курьеров и мусорщиков нашел одну — «Охранник в банк».

— П-п-паксбанк, — прочитал я и сплюнул.

Даже название не смогу вслух прочесть. Шансы пройти собеседование невысокие.

ТРИ ГАДА

Шериф сбавил шаг, обернувшись через плечо.

— А где здоровяк?

— Отстал, очевидно. — Маньяк бежал по штольне отстойника

— Напомни разбить тебе морду, когда доберемся до финиша. — Шериф еще раз глянул назад: не покажется ли Путана. — Нет в тебе чести, паршивец.

— Воровской?

— А мы воры, что ли?

— Путана похож на преступника. Я слышал, одного охранника-ветерана уволили из центрального филиала за то, что он выпустил грабителей.

— Слышал он... Это тебе паксмановская сволота в уши надула.

— «Паксмановская сволота» мне и про зарвавшегося копа «надула в уши». И сейчас он идет за мной и читает мне морали.

Шериф уже приготовился поправить «белому воротничку» лицо — пусть даже ценой таймера, — но Маньяк замер. Шерифу тоже пришлось затормозить и посмотреть туда, куда уставился сокамерник.

— Снова они, — ругнулся Шериф.

— Их надо изучить.

— В штанах у себя изучай, придурок. — Шериф неприлично покачал кулаком. — Не до твоих игр.

Спецназовцы в литых масках наступали. За их спинами, в конце штольни, угадывался массивный круглый шлюз — гермодверь в водный резервуар. Над ней мигал тусклый красный индикатор «АВАРИЙНЫЙ СБРОС». До выхода оставалось футов семьдесят — бегунов отделяла от него лишь толпа «масочников».

Маньяк принялся внимательно следить за действиями отряда из нескольких охранников. Те не нападали сразу, не лезли в лужи, стараясь держаться сухой платформы. Шериф же бросился в атаку первым, задействовав весь арсенал приемов с конфискованным багром. Маньяк отступил, оставляя врагов напарнику.

Он наблюдал за их поведением. Спецназовцы избегали брызг: отшатывались от летящих капель. Когда один из них напал на Маньяка, тот позволил повалить себя. Он даже не обратил внимания на то, что его душат.

Маньяк потянулся к маске и попытался ее сорвать.

И тут голова душителя, словно боксерская груша, отскочила от чужого кулака. Возникший из ниоткуда Путана рывком поднял Маньяка за плечо. Шериф, окруженный тремя охранниками, просиял:

— Ты вернулся!

— М-м, — ответили ему с усмешкой.

Им повезло, что Путана пришел в себя от эха возни в тоннеле и поспешил на помощь.

Маньяк, впрочем, спасения не оценил. Он тут же ринулся к охраннику, лежавшему в луже собственной крови, и сдернул с него маску.

— Что ты творишь?! — взорвался Шериф; они с Путаной сомкнулись спинами, отбиваясь от наседавших врагов. — Не лезь к нему!

— Что-то выбивается из системы. — Маньяк стянул маску и увидел на месте глаз, носа и рта лишь впадины.

Пористую кожу покрывала слизь, а под ней — сеть темных прожилок, пульсирующих оранжевым. Маньяк коснулся шеи мутанта. На коже остались три темных отпечатка его паль-

цев. Он засмотрелся на судороги охранника и резко потускневшие прожилки. Затем на свои мокрые перчатки. С отвращением подтянул их — каждую не один раз.

Шериф грубо дернул его вверх.

— Поднимайся, сука. Времени мало.

— У них гипертермия, они аккумулируют энергию из тепла, — произнес Маньяк, догоняя зыбкие силуэты союзников. Когда Путана взялся за вскрытие шлюза, добавил: — Они так «дышат». Но их терморегуляция нестабильна: инстинктивно они боятся переохлаждения, поэтому избегают воды.

С хрустким щелчком Путана и Шериф повернули вентиль и распахнули шлюз. Они ворвались в вытянутый технобассейн — семьдесят футов в длину. Шериф хмыкнул, сравнив его с гробом, глядя на черную плесень в зеленом освещении. Пол терялся в плотном тумане.

— У нас не больше пары минут, — нервно объявил он, не останавливая хода по узкой сервисной платформе вдоль стены. Сквозь дымку проступал аварийный знак «ВЫХОД», на который ориентировался лидер. — Тупить с охраной здесь нельзя. Огонь, вода, медные трубы. Три локации, и на первую мы потратили слишком много времени.

— Сбросьте их в воду, — посоветовал Маньяк, замыкавший строй.

— Они что, утонут в дюймовой луже, по-твоему?

— Ты меня не слушаешь. Их убьет вода.

— Черт, двое прямо перед нами! — Шериф указал на вооруженных охранников в черных комбинезонах. — Эти уроды преградили проход.

Путана выглянул из-за плеча Шерифа и профессионально оценил позиции: враги стояли у самого края платформы. Он похлопал напарника по спине, показывая, что их надо столкнуть. Шериф фыркнул, но спорить не стал. Сговорившись, двое танками понеслись на спецназовцев, сшибая их с ног. Сцепившись с одним, Путана вырвал у него оружие, а тело ударом ноги в грудь отправил вниз. Охранник шлепнулся в лужу — раздалось шипение, будто кислота коснулась кожи, и последним штрихом стал булькающий звук.

Шериф справился со своим «партнером по сальсе», но потерял в воде багор.

Не медля ни секунды, троица дорвалась до стальной двери, и та с легкостью поддалась. У Шерифа даже мелькнула ложная надежда, что на финишной прямой все будет так же быстро и просто.

Он ошибся.

Первым делом их оглушил грохот работающих котлов. Помещение — размером с авиационный ангар. Взор застилал легкий пар, превращавшийся в гроздь конденсированных капель на трубах.

А перед сбежавшими заключенными — около двух десятков «масок» в черных комбинезонах. Расторопные, они молча надвигались плотной стеной, сжимая оружие.

— Паршиво, — процедил Шериф, отступая к стене.

Он задел ногой обломок трубы и быстро поднял его — как раз вовремя, чтобы сбить с ног первого налетевшего ублюдка.

Путана «проехался» по нападавшим бульдозером. Один удар локтем — и охранник, потеряв маску, свалился. Но тут же налетел второй, получил крюком в шею и свалился прямо на паропровод. Эффектно, но бесполезно: на место двух сбитых набегали четверо, будто в арифметической прогрессии.

Механический голос Дона объявил:

— Ну что, болваны, доползли до финала, и все зря! Наблюдать за вами было забавно, так что ваша смерть, скорее всего, покажется мне унылой. Я отвернусь. Осталось пятьдесят две секунды.

— «Медные трубы» нам точно не пройти, — выдохнул Шериф, ломая чью-то маску.

Он видел, как Путану начинают зажимать со всех сторон. Прикрыл глаза. Счет пошел на секунды, а меньше этих тварей не становилось, будто они размножались почкованием между теплогенераторов и баков.

И тут Шериф заметил Маньяка. Тот спокойно стоял в стороне, как ботаник на выпускном балу. У Шерифа выгнулась бровь.

Без очков Маньяк не мог разглядеть показания манометров или лица охранников, но на близком расстоянии различал движение и крупные силуэты. Этого оказалось достаточно. Он перевел взгляд с массивных вентилей на лужи конденсата, которые противники старательно обходили.

Шериф не успел продумать гневную тираду, как его рыжий подельник рванулся к Путане и выхватил у него багор. Отличник вышел на танцпол.

Маньяк проскользнул между двумя охранниками, заставив одного закрыть его от удара второго. Пригнулся, пропуская крюк над головой, шагнул в сторону, но ошибся с дистанцией. Плечо жестко врезалось в чужую грудь. Маньяка отбросило на полшага, но багор из рук не выскочил.

Он перехватил древко и тут же использовал столкновение себе на пользу: подсек ближайшего охранника под колено, толкнул его в товарища и снова двинулся к цели.

— Это что еще за цирк?! — выкрикнул Шериф, на секунду завороченно наблюдая, как тот, кого он считал хлюпиком, пробивается через полкотельной.

Красота крылась в расчете. Маньяк неотступно держался цели: главного вентиля сброса давления на центральном котле. Когда очередной охранник перекрыл дорогу, Маньяк принял удар багром на древко своего, резко дернул противника на себя и ушел в сторону, заставив того врезаться в трубу.

Шериф мотнул головой, сбрасывая шок, и вырубил очередного мутанта, швырнув лицом в раскаленный паропровод — прямиком к тому, которого уложил Путана. Но «гонсалевский» глаз прилипал к Маньяку, как к меду.

— Тридцать секунд! — гаркнул Дон. — Ставки растут, говнюки!

Маньяк почти достиг цели: взмыл по лестнице к главному котлу и принялся с бешеной скоростью вращать маховик аварийного клапана. С шипящим ревом из сопел вырвались столбы обжигающего пара. Наконец он развернул гибкий отвод, направив раскаленный поток прямо в толпу охранников, напавших на Шерифа и Путану.

Все по плану Маньяка. Насыщенный влагой пар обволок фигуры в черном — произошла реакция, узнаваемая по характерному шипению. Комбинезоны вспучились пузырями, маски покрылись каплями конденсата, словно потом, а тела задергались в судорогах. Враги, будто перегоревшие лампочки, вспыхнули и повалились замертво на глазах у изумленных Шерифа с Путаной.

Все вмиг стихло. Путана угрюмо осмотрел гору трупов и силно выдохнул.

Маньяк спрыгнул с лестницы, небрежно помахивая багром. Шериф, вытерев кровь с подбородка, медленно пошел навстречу, чтобы заглянуть в невозмутимое лицо.

— Ладно, — выплюнул капитан, сокращая дистанцию. — Признаю. Насчет тебя я был неправ.

Маньяк прищурился на багор в своих руках, проследил за бликом на острие и вдруг резким движением упер крюк Шерифу прямо в грудь, целясь в сердце.

— Держи ухо остро, легавый, — прошелестел он. — У меня отличная память на мудаков.

Шериф даже не моргнул. Вместо того чтобы отшатнуться, сомкнул пальцы на холодном лезвии и чуть потянул его на себя, заставляя Маньяка качнуться ближе.

— Знаешь, я прямо сгораю от любопытства, — Шериф сладко оскалился. — В какой такой спецшколе банковских клерков учат так крутить задом перед врагами? Из тебя вышла бы отличная стриптизерша.

— Так не смотри на него, — склонил голову к плечу Маньяк.

— На что?

— На мой зад.

Воздух между ними заискрил. На этот раз Путана шагнул, чтобы вмешаться в прелюдию перед дракой (или чем похлеще), но пыл с размаху остудил насмешливый голос Дона Мафии:

— Пора на выход, курицы безмозглые! Десять... девять...

МАНЬЯК

— Забирай фамильные украшения! Валяй! Что еще тебе дать? — мужчина сплюнул кровь, дернулся, пытаясь встать, но он был связан. — Могу тебя так обслужить, что к дантисту приползешь.

— Откажусь. — Я сидел верхом на стуле, расставив ноги по двум сторонам от спинки, и подтягивал перчатки. — Но раз уж ты дорого заплатил за мое время, устроим разговор.

Я, не глядя, передал резную шкатулку Фенриру. Помощник потряс ее над ухом, прислушиваясь к жиденькому звону.

— Паксмановская шалава, — ощетинился должник.

— Некорректно ругаться при ребенке.

Мы повернули головы на мальчика, который строил башню из кубиков на прожженном сигаретами ковре. Я предложил:

— Чтобы вернуть оставшуюся часть, сдай его на органы.

Мужчина побледнел:

— Что ты сейчас вякнул?..

— Я сказал, — терпеливо повторил я, — если хочешь рассчитаться с Паксбанком, продай ребенка на черный рынок. Только так ты рассчитаешься по процентам и, возможно, выживешь.

— Да ты... с ума сошел?! Это мой ребенок!

Я встал со стула, подошел к шестилетке и поймал его взгляд:

— Сыграем в игру. Закрываешь глаза, вот так. Ладонками уши тоже. И поешь песенку, пока я не разрешу остановиться.

Сын должника втянул соплю, повисшую из носа, и гнусаво спросил:

— А что мне будет?

— Не говори с дядей! — его отец закачался, но Фенрир грубо дернул его стул за спинку. — Черт...

Я жестом показал напарнику, что сделать. Он вlepил болтуну затрецину. Мальчик вздрогнул и инстинктивно посмотрел на отца.

— Разумно, что ты требуешь цену за свои услуги. У меня есть кое-что. Но отдам после выполнения задачи. Договорились?

Мальчик кивнул и последовал приказу. Он начал напевать:

Жаворонок, милый жаворонок,

Жаворонок, я тебя оципаю.

Я тебе оципаю голову,

Я тебе оципаю голову...

Под мужские вопли я толкнул ногой дверь спальни. Смуглая брюнетка, привязанная подхватами к постели, от громкого звука глухо вскрикнула — носок во рту заглушил звук. Жена должника. Она взбрыкнула, как кобылица, забилась и слепо замотала головой.

Я захлопнул дверь и снял с ее глаз повязку. Взгляд сфокусировался на мне: зрачки расширены, повышено слезоотделение. Узнаваемый паттерн — попытка воззвать к моей совести.

Голову, голову,

Жаворонок, жаворонок... Аа-ах!

— Я сейчас достану кляп, но если начнешь шуметь, я разозлюсь. Не зли меня, хорошо? Кивни, если согласна.

Женщина закивала, как болванчик. С глаз сорвались застоявшиеся слезы. Я сдержал обещание, но тут же пожалел: на меня обрушился шквал громкой брани с валимистанским колоритом.

Резкие звуки били по ушам. Под этот шум я поправлял перчатки. Ровно двенадцать раз, по шесть раз на каждую, проверяя швы. Не разошлись. Хорошо.

Когда женщина замолкла, охрипнув, я отвесил ей легкую пощечину, чтобы сбить истерику. Она подавилась собственными соплями, всхлипнула. Я грубо взял ее за челюсть и засунул носок обратно в слюнявый рот.

— Попробуем еще раз. Я сейчас достану кляп. Если продолжишь вопить, я разозлюсь сильнее и ударю тебя как равную себе. Будет больно. Мы договорились?

Валимистанка мелко потрясла головой. Я счел это за положительный ответ и вынул кляп. На сей раз она не решилась испытывать мое терпение. Молча сверлила меня глазами — прямой зрительный контакт вызывал дискомфорт, и мне захотелось уйти с линии обзора.

Я отошел. Ногой задел какое-то ведро, содержимое которого отдалось хрустом. Кулер со льдом и бутылкой шампанского.

— Вы что-то праздновали? — спросил я.

Женщина ответила не сразу, но я перевел взгляд на мочку уха с выжиданием. Она сда-лась:

— Годовщину.

— С супругом?

— Да.

Я вынул шампанское и подобрал ведро. Обе вещи поставил на косметический столик, куда закинул ноги, расположившись на стуле. С моего места открывался обзор на супружеское ложе с прикованной женой должника.

Я сказал:

— А теперь начинай стонать.

Жаворонок, милый жаворонок,

Жаворонок, я тебя оципаю.

Я тебе оципаю клюв,

Я тебе оципаю клюв...

— Что?! — шепотом возмутилась она. — Что ты себе позволяешь?

Качка остановилась, скрипнули ножки мебели. Женщина подобралась. Секунду-другую мы молчали, и мой маятник возобновился.

— Стони. Визжи так, будто я применяю к тебе насилие.

— Зачем это?

— Чтобы твой муж поверил. Он услышит через стенку. Сымитируй максимальную панику.

Гораздо эффективнее было причинить боль тому, кого должник не сможет защитить.

Пленница неотрывно следила за мной. Взгляд давил физически.

Я сместился вместе со стулом, выводя ее глаза из прямой линии.

И клюв, и клюв,

И голову, и голову...

Жаворонок, жаворонок... Аа-ах!

Я закурил, не прерывая качание. Тихие попискивания женщины вызывали у меня раздражение. Тональность не соответствовала акту физического насилия. Звучало неубедительно.

— Твой муж настолько плох, что ты даже не знаешь, как звучит женщина во время грубого секса? — мрачно спросил я. — Ты не убедишь даже глухого.

Ее щеки кирпично покраснели. Она прогнулась в спине, приоткрыла рот, безотрывно глядя на меня, сладко простонала и принялась имитировать фрикции. Краснота ее кожи загустела от прилива крови.

Я глубоко затянулся сигаретой. Снаружи слышались мольбы должника.

Мальчик что-то понял и начал плакать, но продолжал петь сквозь всхлипы:

Жаворонок, милый жаворонок,

Жаворонок, я тебя оципаю.

Я тебе оципаю шею,

Я тебе оципаю шею,

— Я не твой любовник, а насильник, — напомнил я, щелчком закинув окуроч в ведро со льдом. — Смени тональность. Убеди супруга.

Валимистанка шире раздвинула ноги и начала подпрыгивать на кровати. Пружины скрипели, а женщина, лохматая, с влажно блестящими глазами, застонала яростнее. Как животное во время спаривания.

Я со вздохом опустил ноги. Еще мгновение наблюдал за физиологией процесса: как черные локоны налипают к блестящим от слюны губам, разверзнутым в оре. Как ночная сорочка собирается на животе, обнажая тощие бедра. Женщина заметила мой пристальный взгляд, неверно его интерпретировала, и к ее воплям прибавились истеричные смешки.

Я подошел к ней, отшвырнув стул. Забрался сверху, жестко вцепившись в волосы, и стоны закруглились, смягчаясь в полутонах. Ее ноги разъехались, ущемляя меня, а веки полуприкрылись.

— Ты не поняла задачу. Ты делаешь неправильно, — прошипел ей на ухо я, вздрючивая за волосы, как провинившуюся кошку — за шкурку. — Ты получаешь удовольствие, но это противоречит нашему сценарию.

Я приподнял штанину и вынул из ножен на лодыжке короткий стилет.

На поверхности стали отразилось лицо жертвы. Когда она увидела в моих руках оружие, ее зрачки сузились до точки.

И шею, и шею,

И клюв, и клюв,

И голову, и голову,

Жаворонок, жаворонок... Аа-ах!

Лезвие надавило на ее вспотевшую шею.

Женщина закричала:

— Нет! Не надо!

Принялась сопротивляться. Другое дело. Паника настоящая. Наконец-то она выдала правильную реакцию.

Лицо, ради которого мы устроили спектакль, перешел к угрозам. К хриплым рыданиям. После этого что-то грохнулось на пол, Фенрир неразборчиво ответил ему.

Работает.

Я в лохмотья изрезал на женщине сорочку, выпотрошил подушку — гусиные перья хаотично оседали на нас, двух ерзающих на переломанной постели людях.

Я не прикасался к ней кожа к коже, но зафиксировал собственную случайную эрекцию. Мозг механически считал близкий телесный контакт: активное трение, участвовавший пульс и запах пота, ошибочно приняв физическую борьбу за коитус. Бывает.

Никакой эмоциональной вовлеченности с моей стороны не было. Мои предпочтения в партнерах имеют строгие параметры, и эта женщина не соответствовала ни одному из них.

Меня волновало только то, что звуковая картина складывалась идеально. Ее муж слышал звуки борьбы, рвущейся ткани и крики ужаса. Он слышал, как из его жены вытрахивают дух под песенку его же сына:

*Жаворонок, милый жаворонок,
Жаворонок, я тебя оципаю.
Я тебе оципаю крылья.
Я тебе оципаю крылья.*

Хорошо. Так будет хорошо.

Я нанес матрасу порядка тридцати ножевых: будь это человек, он бы окочурился на месте. У меня сбилось дыхание и рассыпалась укладка, будто я и впрямь совершал насилие над этой валимистанкой, а она...

Ее тело дало нелогичный сбой. Зрачки расширились до предела. Эта реакция вызывала у меня тревогу: акустические параметры паники она выдавала корректные, но ее физиология перестроилась на получение удовольствия. В здравый смысл подобное не укладывалось.

Я опустил на нее и, схватив за руки, срезал путы. Женщина зажмурилась и судорожно сжала мои бедра своими.

Она кончила.

*И крылья! И крылья!
И шею, и шею,
И клюв, и клюв,
И голову, и голову,
Жаворонок, жаворонок... Аа-ах!*

— Попытаешься выцарапать мне глаза, я убью тебя, — предупредил я и отвернулся к трюмо, предпочитая контролировать ее движения через зеркало, чтобы исключить прямой зрительный контакт.

Жертва сидела на краю постели, поправляя одежду, и восстанавливала дыхание. Она хрипло произнесла по-валимистански:

— *Тэ дарстас импонтто.*

— Ошибаешься, — ответил я. — Я не импотент и регулярно занимаюсь сексом.

— Тогда извращенец.

Проигнорировав нерелевантное оскорбление, посмотрел на свое отражение, обернулся и невозмутимо резюмировал:

— Ты рассчитывала, что я совершу полноценный половой акт и оставлю свою ДНК в твоём влагалище, чтобы ты поскакала на судебно-медицинскую экспертизу и подала иск на Паксбанк?

— Вам, *добло церус*, законы не писаны. Я не наивная.

«Добло церус», чертовы псы, — так бывшие валимистанцы называли банду, в которой я вырос и на которую работал. Паксбанк был заказчиком услуг Уличных Псов, а я — исполнителем.

Женщина продолжила:

— Я расскажу мужу, что ты, *импонто*, не вставил мне. Я скажу ему, что ты просто запугал меня и заставил кривляться.

— Точно этого хочешь?

Ее, видимо, поставил в тупик мой вопрос. Я счел нужным подойти поближе, чтобы уточнить:

— Хочешь, чтобы твой муж услышал тебя?

— Да! Он не будет платить жадному подонку Паксману, пусть его душа вечно коптится в Шайхане!

У меня вырвалось сосредоточенное «гм-м». Подтянул шесть раз левую перчатку и шесть раз правую, прежде чем попросить женщину немного подождать.

Я вышел за дверь и запер ее снаружи.

Жаворонок, милый жаворонок,

Жаворонок, я тебя оципаю.

Я тебе оципаю хвост,

Я тебе оципаю хвост...

Через пять минут дверь, в которую она долбилась под истошные вопли супруга и плач сына, открылась. Лишь переступил порог спальни, женщина в бешенстве набросилась на меня:

— Что ты с ним сделал?!

Я толкнул ее на постель. Она всхлипнула и попыталась ударить меня, но я увернулся. Теперь, когда ее глаза покраснели и опухли от слез, их взгляд перестал быть пронзительным. Прямой зрительный контакт больше не перегружал мои сенсоры. Иллюзия угрозы исчезла. Я констатировал, что передо мной не источник раздражения, а просто сломленный человек.

Я зажал между пальцами два уха, только что отрезанные у должника. Женщина обещала поговорить с мужем. Я решил облегчить ей задачу и надиктовать текст. Поднеся одно ухо к губам, ровным тоном произнес:

— Этот коллектор Паксмана — лжец. Он меня не тронул.

Во второе ухо сказал:

— Но если я расскажу правду, коллектор вернется. Он изнасилует меня по-настоящему, а затем выпустит мне кишки. Я умная девочка, поэтому ничего тебе не расскажу.

Женщина взмолилась на старом наречии.

— Мы с напарником покинем здание, — сообщил я. — Через десять минут вы сможете отвезти мужа в больницу.

Я швырнул кровавые уши в ведро со льдом для шампанского и, вытирая перчатки о шторы, выглянул в окно. Наш черный внедорожник был припаркован на третьем месте слева, через дорогу от дома должника. Идеально. Если место занимали, это нарушало мой алгоритм. Я испытывал стресс и заставлял Фенрира петлять кругами, пока авто не уезжало. Если этого не происходило, звонил знакомому с эвакуатором. Он боялся меня, поэтому помогал.

Фенриру пришлось привыкнуть к моим требованиям. И в целом... к моей системе. У меня строгий порядок, ритуалы и внимание к деталям.

Наблюдений было достаточно. Предел психоэмоциональной прочности этой семьи был достигнут. Источник проблем лежал лицом в луже собственной крови, лишенный ушных раковин. Ребенок пел песенку, но скоро она закончится, он увидит отца и, статистически вероятно, никогда не последует его дурному примеру.

Женщину я трахнул морально.

Она бессильно дрожала, закрыв лицо руками.

Задача выполнена.

И хвост, и хвост,

И крылья, и крылья,

И шею, и шею,

И клюв, и клюв,

И голову, и голову,

Жаворонок, жаворонок... Аа-ах!

Я щелчком пальца выбил нижний кубик. Башня ожидаемо потеряла опору и рассыпалась. Ребенок шумно втянул носом воздух. Его губы вновь искривились, а щеки покраснели.

— Мамочка? — позвал он слабо. Ответа не последовало. — Папа?..

— Ты выполнил свою часть сделки, — сказал я, присев перед ним на корточки. — Транзакция завершена. Получи свою плату.

Я достал из-за его уха монетку. Механический навык, который я довел до автоматизма пару лет назад, когда у меня случилась гиперфиксация на шоу иллюзий.

Шмыгая носом, мальчик боязливо посмотрел на меня и нерешительно забрал монету. Вытянувшись, я посмотрел на него сверху вниз.

— Не надо... — прошептал он.

— Поздно. Ты выполнил задачу — система тебя вознаградила. Если я смог обмануть твоё зрение фокусом, значит, тебя можно обмануть в чём угодно. Запомни этот факт.

— Ты плохой, — буркнул мальчик. — Ты плохой дядя!

Мальчик уже не смотрел на меня. Он уставился на отца в отключке, шумно всхлипывая. Я покинул дом, оставив семью.

Напарник ждал снаружи, прислонившись к дверце заведенного «Мерседеса». Я опустил взгляд на лужи. Капли дождя разбивали поверхность воды, рисуя ровные концентрические круги. Геометрия успокаивала.

— Ваш традиционный перекур, Гарм. — Мне протянули сигарету.

Гарм — позывной, выданный мне Уличными Псами. Каждому из нас Хозяин присваивал кличку мифологического пса. Бред, как по мне, но родное имя я все же стер из головы. Его дала мне мать, а она была для меня объектом еще более абстрактным, чем подземный страж на цепи северных богов.

Сигарету я держал губами, не отрывая взгляда от огня, от которого прикуривал. Фенрир убрал зажигалку, повалил горький дым. Напарник подал голос:

— Вы как всегда на высоте.

Я скользнул по нему взглядом.

— Это фактическая оценка или лесть? — прямо спросил я.

— А сами как думаете?

Я ничего не ответил.

Двинулся к автомобилю, огибая лужи, чтобы не нарушать симметрию кругов на воде. Посмотрелся в тонированное стекло и снял очки — линзы застлало капельками дождя.

Не такой, как эти люди. Совершенно другой.

Я — сломанная головоломка: пятнашки, в которых отсутствует цифра «15», кубик Рубика с лишним фрагментом красного, кости с одинаковым значением на всех гранях. Меня

не обыграть, потому что невозможно решить загадку, в которую на заводе не вшили правильный ответ.

Я — бракованная деталь. А все, к чему по законам логики должен стремиться брак, — это утилизация.

ДОКТОР

Я отъехала на стуле от кульмана аккуратно в момент, когда в мою лабораторию спустились через верхний аварийный люк. Он автоматически захлопнулся. Я подошла к подопытным: от троицы смердело — Дон помотал их по коллекторам и искупал в крови. Но в здешней выхолащенной чистоте, пропущенной через фильтры ионизаторов, они наконец могли перевести дух.

Хорошенькие мужчины. В жизни они симпатичнее, чем на фотографиях. Не погибли на полосе препятствий, и славно. Но если скопытятся в четырех унылых стенах из матового композита, я распереживаюсь.

— Здравствуйте, мальчики. Добро пожаловать в мою скромную обитель, — поприветствовала я.

Ставлю на то, что чернявый заговорит первым. Шериф уже бегал из угла в угол, ощупывая оборудование.

— Ты Доктор, одна из «консильери»? — бесцеремонно спросил он. — Объяснишь нам, наконец, что происходит?

Бинго.

— Вы прошли испытания, но не расслабляйтесь, — с улыбкой ответила я. — Впереди вас ждут аттракционы покруче.

Шериф с силой постучал по стеклянной колонне. В спиртовом растворе там парили, как в амниотической жидкости, списанные образцы-мутанты.

— Все-то вы продумали, — прокомментировал он. — Эти уроды гасили нас на полосе, да?

— Мы зовем их «мирными». Однодневки с примитивным сознанием, сидят на коротком поводке из чипов, вшитых прямо в ганглии. Аккумуляторы у них слабые, потому и испытывают проблемы с водой. — Я перевела взгляд на рыжего парня, державшегося особняком. — Впечатляет, Маньяк. То, как ты вычислил их слабость, несмотря на цейтнот.

Маньяк «включился» и подслеповато прищурился. Дальnozоркость, все по досье. Комплимент он проигнорировал.

— Вы превратите нас в гадов? — спросил он.

Я поджала губы. Не врать же — это и впрямь входило в планы Дона. А вот напарников вопрос Маньяка обескуражил. Путана, до этого по-солдатски ждавший установок, дернулся. Плохо дело. У него посттравматический синдром после Висхэма. Я планировала сводить мальчишек на свидание, а уже после отстрапонить новостью о превращении в сверхъестественных уродцев.

Придется без смазки.

Путана побагровел. Казалось, вот-вот случится инсульт, но он лишь развернулся и принялся искать выход из лаборатории.

— Послушай, тебе незачем уходить, — я нащупала в кармане электронный ключ. — Проверка ваших базовых способностей и умения работать в команде — необходимый этап. Но мы на одной стороне, поверьте. Дон дает вам шанс хорошо заработать. Сплошное удовольствие.

— Ты сказала «заработать»? — глаза Шерифа алчно блеснули. — И сколько отвалят? За то, что мы станем подопытными обезьянками?

Я вздохнула и потеряла переносицу:

— Мы начали не с того. Дон хочет, чтобы вы отомстили Генри Паксману. Знакомое имя? Вас введут в курс дела. Но прежде мы вас прокачаем.

Путана, к моему удовлетворению, замер. Имя Паксмана подействовало как транквилизатор. С гулким хмыканьем мотнул головой, прислушиваясь. Я оттянула карманы халата, продолжая:

— Уроды — в прошлом. Те монстры, что выводились в Валимистане, были ошибкой. Вас никто не собирается просто так пускать в расход. — Старалась не выпускать Путану из вида, но стоило мне озвучить детали, как его спокойствие снова дало трещину. — Я подсажу вам импланты. Они выкрутят ваши таланты на максимум. Никакой жести, клянусь. Только легкий апгрейд.

— Какой процент смертности? — расчетливо спросил Маньяк.

— Семьдесят семь процентов, если округлить, — решила не лгать я.

Шериф разразился мерзким хохотом и ткнул пальцем себе между бровей, намекая на мою касту:

— Тебе эту штуку поставили из-за шибкой мудрости, да? Охренела совсем? Мы же сдохнем. Не, не так сильна моя ненависть к Паксману. Я умываю руки.

Шериф отошел назад, подняв ладони. И вот тут Путана снова сорвался — он двинулся к шлюзу с такой решимостью, что стало ясно: этот амбал скрутит меня в бараний рог, если я встану на пути.

— У нас мало шансов выжить, — отрезал Маньяк. — Мы отказываемся.

У меня дрогнули губы. По-хорошему не получилось.

— Опции выбора у вас нет, — тихо произнесла я. — Честно, я пыталась обращаться с вами как с людьми. А придется как с гадами.

— О чем ты? — спросил Маньяк.

— О том, что докторам, — я улыбнулась, указывая на халат, — доступ в больницы открыт. Например, в Госпиталь святой Благодетели...

Он моментально побелел. Узнал локацию, солнышко?

— Да насрать на ее угрозы, — нарочито громко высказался Шериф. — Ничего они нам не делают.

Я иронично улыбнулась:

— Тише, ковбой. Адрес полудохлого пациента получить сложнее, чем забить в навигатор квартал Блэкрок. — Склонила голову к плечу. — Кармен Гарсия угостит меня фриттатой?

У капитана глаза налились кровью.

— Только тронь ее.

Путана смотрел волком. Я посадила и его:

— На тебя управы нет, одиночка. Месть — блюдо холодное. К твоему неудовольствию, в нашем заведении мы подаем только закуски. И имена гадов, напавших в Висхэме.

Его брови поднялись. Он не знал, доверять мне или нет. Но он на крючке. Все они.

— Кто ты, *пута мадре*, такая? — прошипел Шериф.

— Я, мальчики, ваша Дхали-Разрушительница.

— И какое стоп-слово?

— М-м, думаю, что-то вроде «Пик».

Я нажала кнопку на ключе. С тяжелым грохотом опустились металлические заслоны. Лаборатория на миг погрузилась во тьму, пока не вспыхнул алый свет аварийек. Мальчишки среагировали мгновенно — сгруппировались и, поняв, что заперты как крысы, бросились на меня.

О, слаженная работа. Далеко пойдут.

— На мой маскарад без масок не ходят, знаете ли! — Я вытащила из набедренной сумки противогаз и ловким движением надела его. — Споки-ноки!

Перевернув устройство, нажала кнопку на обратной стороне. Раздался пронзительный гудок, под потолком лязгнули заслонки, и из них с тихим шипением повалил густой аэрозоль.

— Сука травит нас газом! — возмутился Шериф.

— Полегче на поворотах, — осадил я. — Перед тобой все-таки леди. И это не газ, а усыпляющий состав. Дышите ровно, и все пройдет гладко.

— Черт... ноги... — успел выдохнуть Шериф, прежде чем колени у него подогнулись, и он рухнул на пол.

— Не драматизируй, золотко. Это комбинированный состав: сначала выключает сознание, затем гасит болевую чувствительность и подавляет двигательную активность, — пояснила я, подходя ближе и наступая шпилькой ему на плечо. — Даже если ненадолго всплывете во время операции, боли не почувствуете.

Путана рванулся ко мне, но я даже не сдвинулась с места. Его мышечная масса — предмет гордости, я полагаю — моментально ему отказала. Он застыл на полушаге, как плохо закрепленная статуя, и тяжело рухнул вперед, ударившись грудью о пол.

— Штабелями к ногам падаете, мужики. Все как матушка обещала. — Я посмотрела на часы, поднеся циферблат к запотевшим окулярам. — Еще секунд десять — и готово.

Шериф уже не реагировал, Путана тоже... а где третий?

Я обошла лабораторию.

О, вот он.

Маньяк лежал в позе эмбриона и таранился на собственные пальцы, которые слушались все хуже.

Через четверть минуты в лаборатории воцарилась гробовая тишина. Я подождала еще немного, пока аэрозоль уйдет в вытяжку, затем сняла противогаз и осторожно вдохнула.

Чисто.

— Ну вот, уже лучше. Без лишней суеты, — сказала я, поправляя халат.

Я вновь подняла заслонки, и лаборатория погрузилась в привычный холодный свет. С шипением пневматики открылся шлюз в операционный блок. Из темноты на свет вышли четверо мирных.

По моему приказу «комбинезоны» подошли к обездвиженным телам. Двое взяли Путану — даже их усиленные мышцы заметно напряглись под его весом. Еще двое подхватили Шерифа и Маньяка.

Я проследила, чтобы всех унесли в предоперационную палату. Маньяк — единственный, кто еще оставался в сознании, — поймал мой взгляд. Жуткие, ледяные глаза.

— Не смотри на меня так, дорогуша, — прошептала я им вслед и направилась к стерилизатору готовить инструменты. — Еще спасибо мне скажешь.

ШЕРИФ

Мир перевернулся вверх дном. Мебель, словно гнилые зубы завсегдатая Пыльного Квартала, выпирала из «потолка», устланного ковролином. Ноутбук прилип к журнальному столику, пар из увлажнителя струился вниз, а обнаженное тело на красной простыне парило в невесомости.

Как же мутит... Сейчас точно вывернет. Я уже тысячу раз пожалел, что так набрался накануне.

Ах да, еще кое-что...

Вчера я убил человека.

Комната перестала вращаться, когда я наконец свесил ноги со спинки дивана и сел. Блевать былонечем, так что наружу просилась только желчь. О-о, ее во мне предостаточно.

Мигрень спицей отрикошетила в глаз. Я вцепился пальцами в кудри, растормошил их, пытаюсь прийти в чувство.

Взглянул в сторону тела на простынях — дрыхнет без задних ног. Выгоню потом.

У меня есть дела поважнее.

— Я убил информатора, мистер Паксман, — без предисловий сообщил я. Свернув на перекрестке, постучал пальцем по гарнитуре: — Прием, как слышно?

— Я тебя прекрасно слышу, капитан Шестерня. — Он перенял сучье погоняло у моих завистников. Ублюдок этот Паксман, но ублюдок со спасательным кругом. — Обдумываю твое чистосердечное признание.

— Обдумывайте, я вас не тороплю. Парни из убойного сегодня тоже много думают. — Я дал по газам, вылетая на магистраль. — Подкинул им «пищу для ума» — подстроенный суицид Джерома Крейга.

— Для начала успокойся.

— Предельно спокоен. — В зеркале заднего вида отразились сине-красные огоньки патрульной машины. Под ложечкой засосало. — Я же за вами подметал. Перестарался.

— Да уж, не то слово. Чем же бедняга Крейг тебя так взбесил?

— Он слишком много знал. Или думал, что знал... Посчитал, что я, как коп, выслушаю его бредни... Я пригрозил ему: если не угомонит свои фантазии, про мирную жизнь может забыть — он ведь на УДО. У парня фляга засвистела, испугался возвращаться на зону. Завязалась драка. Знаете, как зеки бьются? Насмерть, сука. Он вытащил нож, я попытался обезвредить, ну и...

Я на миг зажмурился. В ушах до сих пор стоял хруст, с которым я ударил Джерома его же оружием. Потом, как заправский серийник, обстоятельно убрал следы своего присутствия и обставил все как добровольный уход из жизни. Один детектив как-то рассказывал мне про похожий случай из своей практики. Капкан, в который угодил убийца из его байки, я старательно обошел.

Храни, богиня, прогресс. Я оставил предсмертную записку в соцсети от лица Джерома через отложенный постинг. Браво, Джеффри Дамер.

— Дыши. От твоей паники лучше не станет. Надо зафиксировать: да, факт убийства есть. Мы это признали, и это уже хорошо. — Паксман говорил медленно, будто пережевывая слова. — Там какая-то серьезная информация или бред сумасшедшего?

Я поколебался: рассказывать или нет? Джерома Крейга я осадил из страха, что он окажется прав.

— Все запутано. Он же пьет, да и всяким другим балуется. Верить ему, наверное, не стоит.

— Да, но ты убил его. Не по вере, так по религии?

Рассветные лучи резали глаза. Я откинул солнцезащитный козырек, и сердце привычно сжалось от упавшей на колени фотографии. Красивая сеньора с добрейшей улыбкой обнимает долгового подростка в кепке «ЭСТА ЮНАЙТЕД». Мы с ма на пляже, на фоне океана. Мне тут лет тринадцать, не больше.

У этого сувенира был один существенный минус: фотограф — мой папаша.

Паксман все больше походил на кусок дерьма, который много лет отравлял нам жизнь. Вывести бы его за кадр, вышибить мозги и сбросить в океан...

— Я просто хочу, чтобы эту чертову страницу моей жизни вырвали и скормили аллигаторам, — хрипло произнес я. — Окажите мне услугу, прошу.

Паксман, очевидно, просек, что я верчусь как уж на сковородке, но допрос устраивать не стал. И на том спасибо. Молчание — золото: пусть своего золотника я лишился, зато жизнь застрахована. Пока не сболтну лишнего.

Знаете, что поведал мне покойный мистер Крейг? Будто Генри Паксман спонсирует валимистанских радикалов. Я всякого наслушался про патрона и многому охотно поверил. Одна рука у него по локоть в дерьме, вторая — в крови. Но Кон-Дактур и империя Паксмана...

Перед смертельным замесом Джером дал наводку на второго осведомителя — какого-то Лу. После я сказал ему прямо:

«Я тебя по другому поводу вызвал, а не чтобы ты мне бабкины сказки впаривал. Иди на телевидение со своей херней. Продолжишь дуру гнать — засажу обратно в клетку. Позабочусь, чтобы у тебя под подушкой нашли запрещенку».

Ну а дальше вы знаете. Когда коп убивает при исполнении, его отправляют к психотерапевту. Я такой привилегии лишен, поэтому поехал в бар, надрался в слюни и переспал с кем-то. Кажется.

Кстати, после работы надо будет заглянуть к этому «кому-то». Небось хату обнесли — и поминай как звали.

Вернувшись из участка, я сначала учуял запах блинчиков, а потом заметил женщину у плиты. Постучал по арке между кухней и коридором и пошутил:

— За запоздалый завтрак не заплачу — ты все проспала.

Крашенная брюнетка слизнула с пальца взбитые сливки и улыбнулась:

— Будь я проституткой, назвала бы это компенсацией.

— Прости, ни черта не помню после выпитого. Как тебя зовут?

— Луиза. Для друзей я Лу.

— Лу, а ты... — Я подошел и понизил голос: — Ты осведомитель от Крейга?

Она кивнула, закусив губу.

— Бедняжка свел счеты с жизнью сразу после разговора с тобой. — Лу осенила себя крестом и поцеловала кулак. — Мир его праху. После отсидки не все выдерживают — развилка неутешительная: либо обратно в тюрьму, либо на тот свет.

Я схватил ее за запястья, перепачканные в муке. Лу подняла на меня взгляд.

— То есть спяну я с тобой все-таки связался?

— Да, и даже не трахнул. Я не в твоем вкусе или ты не в моем — неважно. — Она поморщила нос и улыбнулась. — Важно то, что я рассказала подробности от одного офицера в отставке. Занимался переправой беженцев с восточных территорий. Знаешь, после Великого Синтеза не все валимистанцы захотели встраиваться в Город, от которого несет ландарской демократией. Особенно те, чьи семьи сгинули под бомбами. — Лу мягко вытянула руки и вытерла ладони о фартук. — Паксман этих ублюдков и кормит. Не из гуманизма, понятное

дело. Ему нужна вечная угроза на Востоке. Кон-Дактур — двигатель, Ведущий — водитель. А машинка едет на бензине из грязного бабла.

Блеск. Я работаю на террориста.

Я навалился на кухонный стол. В голове, поверх похмелья, начала складываться мерзкая картина. Война закончилась, но кто-то очень не хотел, чтобы пропала нужда в конфликте. Пока есть «радикалы» — Город тратит бешеные деньги на безопасность. А кто контролирует бюджет? Правильно — подрядчики Паксмана. Оружие, логистика, «восстановление инфраструктуры» после очередной диверсии. Вечный механизм выкачивания денег.

Вот почему у Генри под колпаком весь Департамент общественной безопасности. Его почерк ни с чем не перепутаешь. Он ведь и с Уличными Псами дружбу водит, а те и на доггистайл согласятся, лишь бы кто-то оплачивал их криминальные хотелки.

— Доказательства, — выдал я. — У тебя есть хоть что-то, кроме слов старого пердуна?

— Я вчера показывала.

— Так покажи еще раз.

Лу пожала плечами, выключила плиту и подошла к куртке, перекинутой через спинку стула. Вытащила телефон, быстро пролистала до сканов и сунула мне. Я вчитался.

Доклад о «невозвращенцах» — валимистанских ветеранах, пропавших после войны. Часть числилась в списках гадов — их отправили в утиль. Приблизил фотографии контейнеров с гуманитарной помощью на складах Паксмана, которые потом всплывали в репортажах с востока у боевиков. И на десерт — расшифровка переговоров по защищенному каналу. Голос, идентичный голосу Паксмана, отдавал распоряжения о «поставке стройматериалов в нейтральный сектор 7-Ди» — именно там на прошлой неделе Кон-Дактур взорвал железнодорожный мост.

— Джером хотел этим шантажировать, но перед смертью, видимо, поступил по совести и обратился к копам. — Лу говорила твердо. — Верю, что среди вас еще есть те, кого Паксман не купил с потрохами. Хочу, чтобы этим воспользовались. Остановили его.

Я молча пялился в экран. Как деревенская простушка, которой прислали доказательство измены мужа.

— Ты можешь получить доступ к служебной базе, перепроверить маршруты, вывести на чистую воду его логистическую сеть. — Лу вскинула голову. — Ты же капитан. Единственный, кто может подобраться близко и не вызвать подозрений.

Билетик в один конец по одной из двух дорог: либо к расстрельной статье за превышение полномочий и госизмену, либо к такому удару по Паксману, от которого тот не оправится. Он готовится меня слить, но если я быстрее выну револьвер, из нас двоих останется только один ковбой.

— Ладно, — согласился я, возвращая телефон. — Я проверю. Но если это липа...

Договорить не успел. Лу одним движением выхватила из-под фартука компактный SIG Sauer P365 и навела мне промеж глаз. Миловидная мордашка переключила канал на профессиональное чудовище.

— Мог бы догадаться. — Я закатил глаза и поднял ладони. — Паксман любит поиграть с добычей, прежде чем сожрать.

— Извини, капитан. — Она набрала номер. — Служба такая.

— Да уж какие обиды, — обреченно вздохнул я.

Лу поставила громкую связь. Гудки оборвал бархатистый голос:

— Говори, Лу.

— Задание выполнено, мистер Паксман. Шестерня попался на предательстве. Есть аудиозапись — он соглашается раскопать вашу логистическую сеть для властей. Координаты передам.

Я стоял не шевелясь, глядя в черное дуло. Пока цинично танцевал на костях войны — горя не знал. Но стоило высунуться, изобразить ментовскую честь, патриотическую позицию, или я не знаю — совесть — и меня тут же опустили по самое не балуйся.

Еще одно подтверждение: рожденный ползать летать не может. В Городе ты либо упырь, либо жертва упыря.

Паксман отвечал, я мог поклясться, с улыбкой:

— Отлично. Теперь у нас есть все, чтобы передать капитана в руки военного трибунала за связь с террористическими организациями и шпионаж в пользу Валимистана. Очень поэтично. Приведите его на четвертый склад. Я хочу лично поздравить его с таким головокружительным падением.

Связь прервалась. Лу не опускала оружия.

— Руки за голову. Развернись.

Сопrotивляться как-то и не тянуло. Паксман красиво меня обул.

Под трибунал, конечно, не отдал. Понт кинул, чтобы я выметался из кабинета по собственному. Задаётся вопросом, почему он не прикончил носителя своих грязных секретов?

Это был последний день моего пребывания в коттедже.

Я смотрел на живописную ракушку, пока вокруг царил хаос. Запомнил ведь каждый изгиб, каждую впадину — вот оно, мать его, искусство. Зацепило все-таки.

Потом появились руки в белых хозяйственных перчатках и сняли сокровище со стены. Я оклемался, хлопнул «синий комбинезон» по плечу и попросил полотно оставить:

— Мне ее друг подарил.

— Мисьта Паксман скажаль, забурать надо всьо, — с выраженным пиньянским акцентом возразил грузчик. — Просьтите, мисьта.

— Нет, отдай. — Сам черт мне не враг — дернул холст, будто своего ребенка из рук извращенца. — Отдай, я сказал!

— А-а! — завопил пиньянец. — Ты сьто делаешь?!

— Моя. Сука. Картина. Паксман все у меня отнял! Все! Даже кошку забрал!

— Саванна. Дорогая киса. — Генри подошел, держа руки за спиной. Он заметно припал на одну ногу; по лицу гуляла скотская ухмылочка. — Не волнуйся, мы позаботимся о Дарси. Моя дочка давно хотела домашнее животное. Пони — это как-то пошло.

— Марси. Ее зовут Марселина.

— Картину забирай. — Паксман щелкнул пальцами перед лицом грузчика, и тот, сверкая черными глазами, сунул мне полотно. — Все равно реплика. Такая же вульгарная фальшивка, как и ты.

Я промолчал.

Грузчик прислонил картину к стене и грел уши, пока не растворился в воздухе от тяжелого взгляда моего патрона. Поправочка: бывшего патрона.

— Почему хромаешь? — спросил я.

Паксман дернул уголок губ и выставил ногу:

— Одна сука сорвалась с поводка.

— Любишь собак?

— Обожаю. Но они время от времени кусаются — а усыплять жалко.

Я помолчал и невозмутимо спросил:

— Убьешь меня теперь? — запустил руку в карман, чтобы скрыть дрожь.

Паксман расхохотался. Смех бил бисером по ушам — тем самым, что мечут перед свиньями. Я услышал в нем ответ: сейчас не убьет, но в черном теле подержит, чтоб неповадно было. Он уверен, что я жалкий трус — что, собственно, правда — поэтому не станет возиться с трупом бывшего копа.

Я жив, пока держу язык за зубами. Не глупый — знаю, что в лучшем случае над моими доводами посмеются, а в худшем найдут в канаве с перерезанным горлом.

Полотно украсило мою детскую комнату, в которую я вернулся спустя двадцать лет. Маман не осудила меня, но ее фирменная фриттата потеряла в соли. То ли так проявлялось ее недовольство беспутным сынишкой, то ли я потерял вкус к жизни.

Железная леди, моя матушка. Жизнь закалила нас обоих, нагибала до предела, пока мы не воспряли духом так, что все ахнули. И снова упадок. Из аристократичного периода мамуля переняла только бокал шампанского по утрам — правда, «Клико» сменилось на «Киркланд». Но бывало и хуже.

В разы хуже.

* * *

— Ты, шлюха, с кем ты трахалась, пока муж на войне? — судя по звукам, отец наотмашь ударил мать по лицу. — Отвечай!

От шлепка я проснулся. Окончательно — от ее нечеловеческого воя.

Нет. Я и не засыпал — лежал в кровати и прикидывался, что сплю. Когда отец возвращался домой, мама укладывала меня, накрывала по самые плечи и целовала в висок, приговаривая: «не открывай глаза». Что бы ни случилось. Иначе придет Дуэнде, маленький гном, испугает до смерти.

— Дуэнде, уходи! — шепнул я. — Мне надо выручить маму!

Дуэнде не отвечал.

— Тогда помоги мне!

— Я никому... я ни с кем... — рыдала матушка. — Милый, пожалуйста, не надо, ты делаешь мне больно... А-а!

— Буду ломать тебе по пальцу за каждую ложь! Поняла, с-сука? — раздался хруст, и меня оглушил мамин вопль. — Говори только правду!

Она горько заплакала.

— Все, я смотрю! — не выдержал я.

Набрался решимости и выпучился во все глаза. Первые секунды рвано дышал, вглядываясь во тьму. Сердце колотилось — будто птишка, попавшая в силочку. Ничего.

Мамуля и правда лгунья. Нет никакого Дуэнде.

Зато есть настоящий монстр. Он там, за приоткрытой дверью. Я босиком прокрался к щели и высунул нос.

Папа стоял спиной к моей комнате, мать — перед ним на коленях. Они притихли; только что-то постоянно цокало — словно капли по железяке. Отец молчал, но предупредительно держал руку на голове матери. Ее черные волосы змеенышами вились между его пальцев.

Цок-цок-цок. Она давилась.

Ноги приросли к полу. Я заметил, что у отца приспущены штаны, белела задница. Он странно запрокидывал голову, дышал, как после пробежки. Влажное чмоканье заполнило мой мир, убив всю сказку напрочь.

Крадучись, я вернулся в постель, лег под одеяло и трясся до утра.

Дуэнде напугал меня.

* * *

Эпизод из детства приснился — фрагмент, замеченный под пыльный ковер воспомина-ний. Да ладно, скажете: многие дети подлавливали родителей на сексе. Не все живут в хоро-мах, верно?

Соглашусь.

Но не у всех этих детей мать сосала отцу, который только что сломал ей два пальца. Как-то не романтично. И какую мужскую модель он мне навязывал?

Впрочем, женщины тоже неприятно удивляли. Взять хоть бхаватку с оливковой кожей — не уродина, а одевается дурно. Белый халат и противогаз. А потом парализует и насильно обращает в гада. Вот так свидание. Верните мои деньги.

Я грезил наяву. Глаза открыты, а я разглядывал инструменты, которые возникали в «латексных» руках, затмевая LED-светило. Глазные яблоки жгло огнем. Я ничего не ощущал, но каждую гребаную секунду тревожился: вот сейчас чувствительность вернется — и я свих-нусь от боли.

В отражении лампы частично видел себя. Смотрел в собственные «гонсалевские глазки» с покрасневшими белками, вслушивался в происходящее. Инструменты заходили в черепную коробку с чавкающим звуком. Цок-чвяк.

Какой противный звук. Как у насильного минета отцу-тирану.

ПУТАНА

— Кофе будешь?

— М-м.

— Как знаешь. — Билл прихлебнул из бумажного стаканчика. — Сегодня у головного офиса какая-то акция, прислали бесплатные напитки с пончиками.

Комплиментарным кофе я сегодня напился, а сладкое не ем. Держу себя в форме. Я бы поддержал разговор с Биллом, но я не лучший собеседник. Он научился понимать: короткое «м-м» — «нет», протяжное — «да». На этом все.

Билл — хороший мужик, не напирает. С остальными охранниками ходит в боулинг или в стрип-клуб — с теми, кто жен не боится. Я самоустранялся. Поначалу звали и меня, а потом поняли, что бесполезно. Перестали.

Я до сих пор не мог поверить, что меня взяли на работу. И не абы куда — в центральное отделение Паксбанка. Рискнул — и вот, как вышло. Нельзя позволять себе костенеть.

Взглянул на экраны, потом на наручные часы. До конца смены оставался час.

В дверь постучали и сразу вошли. Двое «пиджаков» — мужчина и женщина. Представились:

— Мы из внутренней безопасности Паксбанка. Мистер Грей и миссис Наварр. Внеплановая проверка.

Женщина потребовала журнал доступа, мужчина — ключи. Мы с Биллом проверили документы иотправили запрос в управление — нам ответили не сразу, но проверку подтвердили, когда служащие уже по-хозяйски обшаривали нашу документацию.

Мистер Грей захлопнул журнал и подошел ко мне.

— Мистер О'Хейли останется на посту, а вы пойдете с нами.

«Это не по протоколу. Минимум двое охранников — по одному не шастаем, строго-настрого.»

Приказ есть приказ. Я дорого платил за офицерские выкрики, но такова солдатская доля.

— Угу.

— Вот и договорились. Нам необходимо проверить систему безопасности архива.

Я вышел из служебной, Билл остался контролировать периметр. Мы спустились в архив вдоль голых стен в стальной облицовке. Три силуэта выгнулись в кривом отражении: я смотрел вперед — на габаритную дверь, впивающуюся штырями в укрепленные стены.

Я запустил ревизоров в архив. Они провели сверку системы защиты, заполнили протокол и дали мне на подпись.

Дело изначально пахло керосином. Будь я поумнее, проворнее, думай я своей отбитой сапогами головой — заметил бы: ровно в тот сраный момент отключилась основная система видеонаблюдения. Индикатор камеры в архиве потух. Билл обязан был заблокировать все двери и вызвать подкрепление. Но он в панике связался со мной по рации:

— У нас тут что-то с камерами! Ничего не понимаю!

Я выпустил проверяющих, закрыл архив. Они расспрашивали, что случилось, но я молчал как рыба.

Первый звонок: дверь на охранном посту приоткрыта.

Второй: Билла нет на месте. Он впоследствии оправдается, что пошел проверить электрощиток.

— Б-билл?.. — позвал я, заходя.

Третий звонок — меня огрели прикладом по затылку. Прежде чем закрыть глаза, я увидел группу вооруженных людей в масках, хлопающих бледного как смерть Билла по плечу.

Пробудился я от звона собственных наручников. Осмотрелся, дернулся, натягивая цепи. Курносая валимистанка в штатском зачитала мне протокол и спросила:

— Вы понимаете свои права?

Я сказал:

— Я н-не в-вин...

— Права. Вы понимаете? Дайте четкий ответ.

— Д-да... А-аы... — Сука. Адвокат. Ад-во-кат. — Аы... дво... к-кат.

— Разумеется. Вы получите городского юриста, но прежде я бы хотела пообщаться с вами. Вы можете не отвечать. — Следовательница развернула ко мне планшет на подставке. Я увидел стоп-кадр с камер видеонаблюдения в архиве. — Помимо показаний мистера О'Хейли, мы получили в свое распоряжение занимательные кадры.

Мой тревожный взгляд остановился на видео. Она включила запись с камеры наблюдения: я иду по коридору и открываю архив. В правом верхнем углу значились дата и время. Те самые, когда я провожал проверяющих.

Но их на кадрах не было. Запись и вовсе обрывалась посередине.

Я вспомнил наши пластиковые силуэты в обшивке стен. Что же получается? Я поперся в архив один, отчего-то уверенный, что со мной двое «пиджаков». Что-то подсыпали в кофе? Смонтировали видео?

Кое-как я объяснил, что к нам нагрянула проверка. Черт, заговорил. Не стоило открывать рот без защиты, но поздно. К тому же во мне сохранялась уверенность в собственной правоте. Спросите Билла, сказал я. Билл, говорю, остался на посту, пока я показывал сотрудникам внутренней службы состояние архива.

— Вы трахаете мне мозги. — Валимистанка фыркнула. — У мистера О'Хейли иная версия: вы подорвались, будто с ума сошли, и поперлись с невидимыми друзьями на экскурсию в архив.

— Н-но...

— Вывели из строя камеры. Вот этой штуковиной. — Валимистанка со стуком швырнула на стол устройство размером со спичечный коробок. — На нем отпечатки ваших пальцев.

Я посмотрел на свои ладони, как на чужие. Кто-то, пока я находился без сознания, дал поддержать улику. Вот гады.

Гады...

Меня осенило:

— Г-гады, — выдавил я.

Жестами — насколько позволяла длина цепей — объяснил, что мне внушили существование двух сотрудников. Также обрисовал, что отправил сообщение в штаб и проверку подтвердили.

— Не отправлял ты ничего, — возразила следовательница. Она наклонилась над столом, без толики жалости заглядывая мне в лицо. — А что до гадов — я скорее поверю, что Город расколется обратно на Ландарию и Валимистан и мы поработим вас, хреновы демократические шавки. Знаешь, почему такой мусор, как ты, допрашиваю я? Потому что у меня нет к тебе национальной симпатии, ублюдок.

Я с выдохом успокоился. Беспредел налицо — следовало взять себя в руки. Ничего. Закон еще восторжествует.

— А... Адвокат, — четче повторил я.

Следовательница смерила меня пронзительным взглядом и смахнула вещдоки со стола:

— Будет тебе адвокат.

* * *

— Логика у обвинения железная. — Адвокат с трехдневной щетиной поставил на железный стол кейс и сел напротив, не свежо дыхнув мне в лицо. — У вас диагностировано ПТСР, вы видите галлюцинации...

Я опустил взгляд. Оранжевые штаны мне жали, как и казенная обувь.

— С-сейчас...

— Знаю, давно не было приступов, но обвинению важнее записанный в карточке анамнез, а не ваши слова. Без обиняков.

Я поднял ладони. Что вы, какие обиды. Нет у меня больше такого чувства — в унитаз слили и все, за что я воевал, и меня в придачу к остальному дерьму.

— Ш-ш-ш...

— Какие шансы? Вещдоки против вас, ваш напарник пострадал, а вы подкуплены...

Видимо, шок отразился на морде — юрист выкатил аргумент:

— Да, они нашли ваши деньги. — Он показал мне распечатку пополнения моего счета — очередная липа. — Преступники сознались, что подкупили охранника: тот вырубил сигнализацию и камеры, а затем отвлек напарника. Ситуация — бесперспективняк.

Я бы и за час не выговорил последнее слово.

Помотал головой. Ложь. Подкинули бабло, навели тень на плетень... Билл запутался и предал меня. Гад наслал иллюзию или отравил с помощью кофе. Подставили. Плевать, что говорят — я ведь знаю, что не сошел с ума.

— Мой вам совет, — заключил, вставая, правозащитник, — чистосердечное признание подкупит присяжных. Расскажите о нелегкой доле ветерана войны, о маленькой пенсии, о том, как все херово и несправедливо. Вы знаете, на что давить.

— Я н-не...

— Не виновен. Знаю. Все вы так говорите. — Адвокат усмехнулся. — Со мной вы можете быть откровенны. Я вас не осуждаю — нужда, она, знаете ли, способна даже из ангела все дерьмо вытрясти.

Он попрощался и собрался уходить, а ко мне двинулись надзиратели — сопроводить обратно в камеру. Я окликнул адвоката и попросил о помощи. У мистера Купера, брюзгливого соседа, были ключи от моего дома. Хоть он и недолюбливал Джекса, особенно его охриплый лай, в помощи не отказал бы. Пару раз в день заходить и кормить пса — посильная задача. Я как-то следил за его черепахой, и мы ладили. С черепахой, не с соседом. Но у последнего превосходная память на собственные долги.

— Как скажете, меня не затруднит. — Адвокат бросил это на ходу, и меня вывели из комнаты для встреч.

Вернулся в камеру. В изоляторе я сидел с молчаливым воришкой лет двадцати — вечно ковырялся в зубах и цыкал; бритым валимистанцем Рахилом, подозреваемым в убийстве с отягчающими; и с каким-то Уличным Псом по кличке Сиват. Сивату, татуированному с головы до пят, ни до кого дела не было. Меня называли просто Мундиром. Спасибо, что не Мудилой. Грозный у Пса был видок — как у итишского божества: даже в белках чернела краска. Воришка при нем забывал и про зубы, и про все остальное.

Рахил ненавидел меня. Грозился «зарезать как свинопса», как только нас переведут в тюрьму. В СИЗО его сдерживала робкая надежда на помилование — он рецидивист, убийство могло зайти последним гвоздем в крышку его гроба.

Режим вышколил мое расписание. Тюремный график напоминал армейский, и я быстро втянулся. Единственную боль приносили мысли о Джексе. На расстоянии чувствовалась его тоска. Бедный мальчик. Мне нельзя в тюрьму — старый пес должен умереть мирно, на моих руках, а не от сбитого соседом рациона питания.

Образ Джекса придавал сил бороться с системой.

Слушание назначили на пятое сентября — оставалось ровно три недели. Я делал надрезы на столе для пикника во время коротких прогулок, чтобы мотивировать себя.

Оставив ровную насечку, подставил лицо ветру. Пахнуло водорослями — где-то в восемнадцати милях от тюрьмы плескался океан. Рукой подать.

— Эй, Мундир, отойдем? — на меня выдохнули куревом.

Рахил. Глядя ему в глаза, я не решался что-либо сказать — не хотел давать еще одного повода для жестоких стебов.

— Зенки свои закатай, — добавил он. — Не собираюсь тебя лупить. Пока что.

Бегло оценил обстановку: надзиратели, контролирующие площадку, и те, что с винтовками на башнях, внимания на нас не обращали. Я поднялся и молча пошел следом.

В углу, где нас удачно скрывал столб прожектора, меня вжали в бетонную стену. Из закоулка вышли еще трое валимистанцев грозного вида. Поодаль шатался наш сосед-вор. Рахил покровительствовал ему, но взамен на шефство парня таскали за собой и черт-те как издевались. Они хотели замести и меня — но свою честь я не продам.

Я не шевелился.

— Сегодня отдашь мне десерт с ужина, — заявил Рахил.

Понял. Он пытался сделать из меня раба. Тюремные понятия.

— М-м, — неопределенно промычал я.

Валимистанцы участливо переглянулись. Смуглая шея Рахила стала кирпичной:

— Это как понимать? Да или нет?

— М-м...

— Слышь, шелуха, ничего не попутал? — тот заводился: братва начинала посмеиваться. Он стукнул кулаком в стену, обдав потоком воздуха ухо. — К десерту прибавляются носки.

У меня приподнялась бровь. Честно не понял, что к чему.

— Жрать его носки будешь, Рахил? — хрюкнул один из мужиков, и даже вор покашлял в кулак, давя смешок.

— Нет! Этот штопанный петух будет мне стирать их!

Братва рассмеялась. Я тоже улыбнулся, но эту слабость быстро «исцелили» болевым спазмом. Рахил ударил меня в живот раза три, смахнул пот со своей бритой башки и, схватив за затылок, прошипел на ухо:

— Юморист, да? Давай-ка я тебя научу дисциплине, если твоя армия не справилась...

Я мог разбить его голову как арбуз. Ботинком. Мне доводилось делать это — ломать челюсти берцами. Я бы вышиб желание меня подстегивать даже мягкими казенными кроссовками. Но нельзя. Нельзя.

Образ пожилого пса, спящего на коврик в прихожей, заставил разжать кулаки и послушно принимать удары. Фантомный запах псины и дешевого корма, пропитавший засаженный дом, коснулся разбитого в кровь носа. Валимистанцы — мои главные враги — пинали меня по бокам, яйцам, ребрам, а я терпел, чтобы восстановить справедливость перед бессовестным судом.

Я хотел, чтобы меня оставили в покое. Глупая была затея — пытаться влиться в общество. Я не создан для этого.

— А ну культяпки подобрали и шуруйте, пока я вас на валимистанскую мозаику не разобрал!

Кровь застилала глаза: я пытался оттереть ее, чтобы хоть что-то увидеть. Завязалась потасовка. Кто-то вступился за меня и раскидал ссыкливую братву ссыкливого Рахила. Они напали толпой. А кто-то в одиночку размазал их по стенке.

Сворой собак они грызлись — даже задели меня, и я откатился в сторону. Мимо протопали, бранясь на тарабарщине. Когда пыль улеглась, я поднялся, цепляясь за татуированную руку Сивата.

— Давай, Мундир, подымайся... — сокамерник озирался: не засек ли кто мордобой. — Нехер посреди дня разлеживаться. Сегодня на смене Поехавший. Этот шизик мне палец на ноге сломал — типа случайно створкой прищемил, показалось ему, что сбежать пытаюсь.

— С-спасибо, — почти не заикаясь, сказал я.

— Мы за одну страну воевали. — Сиват вытер кровь с разбитой брови. — Третья экспедиционная.

Он показал наколку на предплечье: среди голых баб теснилась синяя, выцветшая — волна, накрывающая винтовку, и надпись на ленте: КМПЛ. Корпус морской пехоты Ландарии.

По правилам мне бы представиться в ответ, но я не торопился выкладывать главную слабость. Мало ли, что этому Сивату нужно. Вдруг он не только патриот, но и вымогатель. Мне нечего ему предложить — ничьей сучкой я не буду.

Но Сиват чихал на военный этикет:

— Иди в медсанчасть. Поваляйся там, пока не устанутся. Думаю, ишаки, — так уничижительно называли валимистанцев, — не угомонятся.

— М-м?

— Будет замес, короче. Я ж тебя выгородил. Ландарец за ландарца — красная линия для махача на расовой почве. И это в СИЗО! Да при строгаче тише сидят, клянусь сиськами богини.

Я отказался прятаться в медблоке. Раз уж я — первая домино, падать буду со всеми.

Перед отбоем легли по койкам. Сиват — сверху; я не видел его, только слышал голос:

— Тебя за пособничество грабителям замели?

Я посопел.

— Да знаю, что не виновен. — Он замолчал на пару минут, потом свесился вниз и резко спросил: — погоди, а ты не на Паксмана работал?

— Н-на н-него.

— Нихера ж себе совпадение! Он любимчика босса содержит. Не в испорченном смысле — просто Гарм нашему Хозяину как сын. Остальные из банды этого парнишку по дуге обходят. Да и правильно — он больной. Паксман нанял Уличных Псов для расплаты по замуте с оружейным трафиком, и Гарм у банкира в коллекторах ходил. — Черные глаза мыльно блеснули. — Босс рыжего Пса как от сердца отрывал, но тот с приветом — ему самое то, бабки из честного народа выбивать. Да и долг Хозяина почти уплачен. Надеюсь, выйду и застану Гарма свободным от лапиц Паксмана.

Его рассказ слился для меня в единую линию. Так я и уснул, не зная, чем закончилось дело для Гарма. Ночью воспаленный разум задело осколками — адские вопли, кто-то выдирает себе глаза, кто-то сигает с крыши, а за мной гоняется гад, вынуждая повеситься.

Он размахивает простыней, как лассо:

«В тюрьме тебе не выжить».

Говорит:

«Надевай галстук, сынок».

Через два дня конфликт с валимистанцами вспыхнул, и Сивата закололи. Я так и не узнал, за что его упекли.

Меня рядом не было. После завтрака начальник тюрьмы вызвал меня к себе. Тяжеловесный кабинет — дубовая мебель, полотна в металлических рамках, выдавший виды диван — и тучный мужчина, промокавший потную шею платком.

— Заключенный А-триста-один! — Начальник махнул надзирателям, чтобы вышли за дверь. — Присаживайся, я тебя ждал.

Я неуверенно шагнул на третий ковер, присел на стул, расставил ноги и уставился на служащего в ожидании.

— Ну и осанка — сразу видно, воевал! — Он неловко посмеялся: заметно нервничал. — Не буду ходить вокруг да около. Видишь ли, произошла судебная ошибка. В деле появи-

лись новые улики, и обвинения с тебя сняты. Да, такое случается. Не поверишь — у меня был случай...

* * *

Зачем я живу?

На гражданке я как пятое колесо телеге. На военке — списанный в тираж. Не нужен нигде и никому, кроме Джекса.

С этими мыслями я свернул со своей лужайки и направился к дому соседа. Шурша шинами, уехало такси. Хотел сначала поблагодарить за то, что Джекса выгуливал, и заплатить за труды. Мне выплатили моральную компенсацию за липовую отсидку — в конверте, ну да черт с ним.

Смутило, что сосед давно не проверял почту: ящик переполнился письмами и буклетами. С неясным предчувствием постучался — никто не вышел. Тогда я вложил побольше силы в стук. Отозвалась миссис Стивенсон с соседнего участка — в тот момент она поливала растения из шланга:

— О, ты вернулся, мой мальчик! Счастье какое! — Она широко улыбнулась малиновыми губами.

— А м-мистер... К-купер? — коряво спросил я.

— Ой, ты же не знаешь! — всплеснула руками соседка, окатив забор струей воды. — Мистера Купера недели две назад госпитализировали. Что-то с поджелудочной, я не вдавалась в подробности...

Я не дослушал — побежал к своему дому. Две недели. Джекс, он же...

Взял секунду для выдоха, перебрал ключи, открыл нужным дверь.

Меня едва не сбило с ног удушливым трупным смрадом. Пес ждал меня на коврике в прихожей.

Не дождался.

МАНЬЯК

Меня завели в комнату и сказали поиграть, пока мама решает вопрос.

Я сидел в углу и качался. Вперед-назад. Время от времени заходили огромные люди: они шевелили губами, спрашивали, долго ли я собираюсь торчать здесь, как загнанный кролик, и что со мной не так. Но их голоса сливались в плотный гул. Я не мог разобрать слова. Слишком шумно.

Мама сломала наше главное правило, когда привела меня в новый дом. Здесь все было неправильным. Грохот бильярдных шаров бил прямо по барабанным перепонкам. Вонь немых тел, кислой рвоты и табачного дыма душила. Сердце работало на пределе. Ребра сдавливали.

Весь вечер я выкладывал в ровную шеренгу мертвых мух с подоконника. Их было тридцать четыре. Мама не вернулась ни на следующий, ни через день. Тело перестало подавать сигналы. Я смотрел в одну точку и качался, чтобы задать себе хоть какой-то ритм. Тик-тик, тик-тик. Я никак не мог сделать «так». «Так» — это завершение ритма, а мой цикл оборвался. Мама — недостающий элемент. Я знал: если досчитать до тысячи, она обязательно придет. Триста сорок один. Триста сорок два.

Громкие мужчины приносили еду. Кетчуп на кусках пиццы пах ржавым железом, банка содовой открывалась с таким звуком, будто металл скребет по мозгу, а бургеры казались склизкими комьями грязи. Мой желудок отказывался принимать пищу. Пьяные взрослые смотрели на меня как на сломанную игрушку в чулане — тянули пальцы с черной каймой под ногтями, пытались ткнуть, но тут же отдергивали руку.

Я смотрел на стык плинтуса, лишь бы не видеть их лиц, и качался. У нас с мамой абсолютно одинаковая родинка на животе. Один и тот же размер, один и тот же цвет. Мы связаны. Она должна прийти и замкнуть цепь.

Я мысленно отсчитывал секунды. Девятьсот девяносто восемь. Девятьсот девяносто девять. Если я досчитаю до тысячи, а она не появится, череп просто лопнет от шума. Мне придется разбежаться и со всей силы удариться головой о стену.

Тысяча.

— А ну убрались отсюда, псы паршивые! — заорал только что вошедший. — Это вам зоопарк, что ли? Пошли вон!

— Есть, босс.

— И выпроводите шлюх, ради всего сущего. В доме сопляк, мать вашу!

— Поняли, приберемся.

Громкие люди исчезли. Новый человек вычистил мое пространство от хаоса, но тут же стал его переменной. От этого внутри все болезненно сжалось — новая вводная, непредсказуемая угроза. Тот, кто мне помог, был ростом почти с меня, но с большой тяжелой головой. Карлик с тонкими линиями усиков и плешивой шевелюрой не стал подходить близко. Он оставил между нами почтительное расстояние и спросил:

— Чем тебя кормила Хлоя?

Я не остановил маятник, но процессор в голове запустил обработку вопроса. Набравшись решимости, ответил в пол, не глядя в его сторону:

— Я ел мак-энд-чиз.

— А чем запивал?

— Простой водой.

— Ловлю на слове.

Он ушел где-то на час, а вернулся с тарелкой макарон с сыром и стаканом воды со льдом. Впервые принесенная пища не воспринималась как токсичная масса. Она пахла понятными

углеводами и плавленым сыром. Биологическая потребность перекрыла системный сбой. Я сам не заметил, как остановил маятник и потянулся к еде.

— Ты проголодался, да, пацан? — карлик поставил поднос на столик и отошел. — Тебе надо есть, чтобы поесть.

Ощутит пустоту в желудке и сухость во рту. Я вспомнил, что почти не пил и совсем не ел, а нужду справлял в горшок в дальнем углу. Заметил, что от меня несет потом, и ужаснулся. Я потерял контроль и свою дисциплину.

Нужно восстановить базовые функции. По широкой дуге, бросая косые взгляды, я прокрался мимо карлика и сел за стол. Но едва пальцы коснулись вилки, я отшвырнул прибор, словно меня ударило током. Схватился за запястье, уставившись на скрюченную кисть как на чужую.

Холодно. Холодно. Гладко. Опасно.

— Что-то не так? — карлик подошел ближе. — Зачем швыряешься вилкой?

— Она не... — панически дыша, выдавил я. — Непредсказуемая.

— Что?

— Текстура неожиданная. Я не знаю эту вещь. Я беру в руки только предметы из дома. Мама знает правило.

— Ясно. Так тебя тревожит, если ты хватаешься за что-то новое?

Я кивнул, неотрывно глядя на хромированный блеск прибора, лежавшего на полу. Даже голод не пересиливал страх.

— Подожди здесь. — Карлик вышел за дверь.

Через некоторое время он вернулся и положил рядом с тарелкой пару красных кожаных перчаток.

— Твоя мать оставила их как-то, когда заходила к нам. Дорогие.

Мама? Значит, они из дома. Это слово сработало как код доступа. Я взял пару и понюхал их — пахло новенькой кожей. Натянув перчатки, посмотрел на свои руки. Мои пальцы вытянулись, ладони стали непомерно большими. Плотная ткань пролегла между мной и миром, создав надежный барьер. Я сжал и разжал кулаки. Мне это подошло.

Карлик, по прозвищу Хозяин, босс банды Уличных Псов, улыбнулся, блеснув золотыми коронками. Он приходил строго по расписанию каждый день всю неделю, пока я не усвоил новые алгоритмы и не вышел из комнаты самостоятельно. Впоследствии Псы повсюду таскали меня с собой: я сидел в машине, соблюдал правила и не нарушал их периметр, когда они брали на дело.

Мать так и не объявилась. Она была моим базовым алгоритмом, гарантом стабильности и единственной женщиной, которая знала, как со мной обращаться. Хлоя наверняка скучала по мне, где бы ни находилась, пусть мне и не до конца ясен концепт скуки по кому-то, а не от чего-то.

Когда материны перчатки начали жать, зафиксировал факт: я вскормлен бандитами. Они давали мне еду и понятные инструкции. Я функционировал как их инструмент — вопросов не задавал, брался за любую работу. Справедливый обмен.

Но не все решения Хозяина я признавал рациональными. Он занял приличную сумму через теневую схему Паксбанка, чтобы отладить трафик оружия с анклавами Росского Союза. Генри Паксман, глава банка, не гнушающийся преступными связями, сделал скидку на процент. Взамен на сброс цены Хозяин обязался выписать Пса на трехлетнее служение Паксману.

Генри требовался исполнитель, которого чужая паника не собьет с задачи. Он решил, что я идеально подхожу.

Хозяин не сразу согласился на мою кандидатуру. Он знал, что Паксман ненадежен, а я — самый точный инструмент в его банде. Отдать меня в коллекторскую службу — все равно что забивать микроскопом гвозди. Мне, в сущности, было плевать, где работать, я просто нена-

видел перемены. Но расклад прозрачен: Хозяин загнан в угол. Сплоховать перед спонсором нельзя, а отдавать еще более ценный актив невыгодно. Три года — это всего тысяча девяносто пять суток. Конечная величина. Хозяину нужны деньги, а я идеально подхожу под оффер. Я вызвался сам.

Хозяин приставил ко мне старого Пса Фенрира. Ожог на пол-лица поставил крест на его социальных связях и сдвинул на нижний уровень пищевой цепи. Получив увечье, Фенрир загасил в себе амбиции, как сломанный механизм, который больше не пытается работать на полных оборотах. Отсутствие внешних раздражителей и служение мизерным целям. Очень удобный, предсказуемый напарник.

Я легко встроился в систему Паксмана. Он не любит выскочек, а у меня нет опции «рисоваться» или доказывать свое превосходство. Думаю, Паксман знал, что я отлично функционирую в жестких рамках, и почему-то побаивался, что однажды я взбунтуюсь, но он ошибался в расчетах. Бунт мне несвойственен, я следую правилам.

Так было всегда.

Только мои правила замыкаются не на Паксмане, а на Хозяине. Как только названному отцу поступит угроза, я просто ее устраню.

— Задумались о чем-то? — спросил Фенрир, растворяя ложечкой сахар в чае. Рядом лежал круассан «Джойдэй» с вишневой начинкой. — Хотите?

Я отказался.

— Правильно, дрянь та еще. — Фенрир вскрыл упаковку зубами и откусил от выпечки. — Их завозят каждый понедельник, а кроме меня никто не жрет. Вот этот конкретный круассан я вижу третий день подряд. Если б не вакуумная упаковка, засох бы.

— Это не вакуум, — поспорил я.

— Что?

— В упаковке — воздух. Инертный газ, если точнее. Так что это не вакуум. Индивидуальная пачка, чтобы повысить узнаваемость бренда. — Я припал поясницей к столешнице и подул на кофе. — «Джойдэй» поставляет Паксбанку свою продукцию в качестве рекламы. Пичкает пальмовым маслом офисных клерков, чтобы холестериновые бляшки закупоривали просвет их сосудов. А затем они подыхают от инфаркта миокарда, и освобождается место для нового клерка. Обычный конвейер.

Фенрир изогнул бровь:

— Что же в этом плохого? Все естественно.

— Ты про смерть или про маркетинг?

— И про то, и про это. — Фенрир откусил от круассана. — «Джойдэй» расширяется, чтобы обеспечить больше рабочих мест для бедствующих вдов. Знаешь, сколько их после войны развелось? Как собак нерезаных. Они запаковывают круассаны в эти «не-вакуумные» упаковки, — он сделал кавычки пальцами, — чтобы такие, как я, давились ими, даже если не вмоготу, а такие, как вы, меня поучали.

Его логика содержала взаимоисключающие параграфы.

— Мы выяснили, что ты ешь, даже когда не хочешь, и поощряешь проблему ожирения, чтобы где-то не голодали женщины с детьми. — Мне расхотелось пить кофе, я просто смотрелся в свое отражение на темно-коричневой поверхности. — У тебя пищевое расстройство?

— А по мне не скажешь? — расхохотался Фенрир, хлопая себя по круглому животу. Затем он показал на меня: — Вы ведь тоже в нашей формуле не последняя переменная.

Я вопросительно посмотрел на напарника. Он перевел палец на мои руки:

— Ваши перчатки.

Я не понял:

— А что с ними не так? Они защищают кожу.

— Они женские. — Фенрир бросил недоеденную половину круассана. Пластиковая упаковка медленно распрямлялась; я залип. — Повезло, что у вас аристократические кисти. Длинные, изящные. Даже если б я не знал вас, решил бы, что вы точно не воевали.

Однажды я услышал от Псов, что воевать — это социальная норма. Обязанность. Мне еще не было восемнадцати, но я всегда имел под рукой поддельные документы. Вот только психиатр призывной комиссии после часа тестов сделал пометку в деле, что с оружием в руках я буду представлять угрозу для всех, включая ландарцев, а это, вроде как, свои. Меня забраковали как неисправную деталь. Врач не объяснил, как мне с этим функционировать, просто выставил за дверь.

Но в одном психиатр был прав — пушку мне лучше не доверять. У меня случаются гиперфиксации. Если я заиклюсь на траектории полета пули, я забуду про периметр. Это опасный баг. Безопаснее фиксироваться на коллекционировании карточных колод для фокусов или на геометрии рукопашного боя.

Или на людях.

— Ты сказал, что я «переменная», — напомнил я, — и что же это значит?

— Ваш образ — маркетинг, как эта не-вакуумная упаковка. Вы даете зеленый свет, проториваете дорогу в криминальный бизнес таким же, как вы.

Я завис, пытаюсь обработать информацию. Уже второй раз за разговор Фенрир допускает фразу «такой, как вы». О ком он? Кто такие «мы»? Мужчины, которые носят материны перчатки? Краснобилетники? Я так и не нашел логической связи.

— Это загрязняет природу, — сказал я, возвращаясь к единственной понятной мне теме, и выпил кофе. — Я про пластик. Положи в одну пачку десять круассанов: будет разлагаться одна упаковка, а сохнуть десяток продуктов. А у тебя — десять круассанов в десяти упаковках. Нерациональный расход ресурсов.

— Что же в этом плохого, Гарм? — Фенрир скалил кривые зубы. — Не утилизировать же их в самом деле. Мне жалко, вот я и ем. Даром что изжога накрывает.

Мне всегда было сложно считывать двойное дно и всю ту срань, что люди вкладывают в свою болтовню. Но сейчас я решил протестировать социальную модель поведения. Сымитировать шутку.

— У меня отличный бренд, — я изобразил асимметричную улыбку, — но я предпочту снять свой продукт с производства, пока Паксман не наклеил на меня свой логотип. Как на его Шестерню с капитанскими погонами.

Фенрир широко улыбнулся и залпом выпил чай:

— Это вы верно говорите. Надо уметь вовремя останавливаться. — Он посмотрел на часы. — Сегодня смотаемся к последнему должнику — и Паксман может поцеловать мой жирный зад. Вернемся к Хозяину, наши тысяча девяносто пять дней коллекторской службы истекли.

За три года система Паксмана стала мне привычной, но оставаться здесь я не планировал.

— Тогда доешь свой круассан, — сказал я, — чтобы Паксману было проще попасть в цель при поцелуе.

Из центра по контролю задолженностей поступил звонок. Должник свалил с места жительства, указанного в анкете. Нас ждала поездка в гетто Северного сектора.

Стоило только въехать на главную улицу, размытую неонам дешевых вывесок, к тачке прилипли бродяги. Они тянули к стеклам сложенные лодочкой ладони. Я зафиксировал язвы и антисанитарию. Чтобы погасить нарастающую тревогу, потянул красные перчатки за манжеты ровно двенадцать раз.

В стекло со стороны Фенрира постучали. Лощеный сутенер в леопардовой шубе. Напарник опустил стекло.

— Эй, не желаешь девку? — Сутенер заметил меня на соседнем сиденье. — Или...

— Нам нужна конкретная, — прервал я. — Санни Мун сейчас работает?

— Санни? — сутенер фыркнул. — Я не осуждаю, господа геронтофилы. Только наша Санни давно списана в тираж. Живет у своего хахалю на выселках. Спросите Донована Митчелла. Нюхач-трюкач, поняли?

Он легко выдал геолокацию актива, который ему больше не принадлежал. Должница — вещь без срока годности.

Когда наш внедорожник встал аккурат между вторым и четвертым парковочными местами, Фенрира скрутило.

— Не, босс, без напарника нельзя... не по протоколу... Ух, сука, чертов круассан!

— Я смогу о себе позаботиться, — я посмотрел на часы. — Найди уборную.

Когда Фенрир вышел, хлопнув дверью, побыл в тишине минуту. Поправил перчатки. Достал папку заемщика. Низкий кредитный рейтинг, безработная, не замужем. Очередная пустая переменная на балансе Паксбанка. Довести дело до конца и уволиться — алгоритм был предельно ясен. Оставлять незакрытые задачи физически невыносимо для меня.

Я вышел из автомобиля и по заросшей тропинке прошел к двери. От косяка отходила прогнившая перекладина с торчащими гвоздями. Позвонил в звонок и подождал, глядя на балку. Раз, два, три... Постучал. Дверь открылась. В проеме раскорячилось нечто с полуприкрытыми глазами и расширенными зрачками.

— Э, ты кто еще такой? — прошепелявил Донован Митчелл.

— Я к Санни Мун.

— Чувак, ты че, опух? — он шатко отошел, преграждая путь. — Ты кто такой, я тебя спрашиваю?

Непонятно, на каком основании он нарушил звуковой лимит. Не люблю громкие звуки. Не люблю, мать ее, непредсказуемость.

— Эй, ты че, оглох? — мерзкий голос вернул меня в реальность.

— Я не к тебе, чучело, — ровным тоном ответил я. Легко оттолкнул Донована с дороги и беспрепятственно вошел внутрь.

— Все, ублюдок, я звоню копам! — он неуклюже метнулся в сторону кухни, видимо, к телефону.

— Номер запомнить? — осведомился я, осматривая чистое, пусть и бедное жилище. — Записывай: Департамент общественной безопасности, Центральный округ, капитан Шестерня.

Пока кусок мяса возился с телефонным проводом, я просканировал помещение. Нищета, моль в шкафу. Заначка в упаковке из-под сухого завтрака обнаружилась на второй минуте поиска. Внимательность — моя базовая комплектация.

Я сел на диван в ожидании.

И тут в дом вошла Санни.

Мой мозг завис. Разум выдавал ошибку за ошибкой, накладывая старые визуальные паттерны на реальность. Дряблый живот, выпирающий из-под желтого топики. Выжженные волосы, собранные в небрежный пучок. Но глаза... Абсолютно такие же, как у меня. База данных забила тревогу. Стопроцентное совпадение.

Это не Санни Мун.

Она дрожащими руками достала из пачки сигарету, безуспешно чиркнув сломанной зажигалкой. Я встал. Медленно подошел и поднес к кончику ее сигареты свой огонь. Я смотрел на ее сухие губы. Память выдала физический отклик: эти губы касались моего лба двадцать один год назад, когда она оставляла меня на Псарне. Точно...

Она докурила в безмолвии. Я молча схватил ее за запястья и впечатал в стену. Закачалась ваза на тумбочке.

Из кухни выполз Донован:

— Слышь, отпусти ее!..

Я вырубил его с локтя и сфокусировался на должнице. Санни отвернула голову. Ее трясло.

— Только... не бей, — прохрипела она. — Я могу и в рот взять. Сама могу. И в задницу. Только не делай мне больно.

Все, что она говорила, лишь белый шум. Мне нужна была верификация. Доказательство.

Не сказав ни слова, я расстегнул молнию на мини-юбке и дернул ткань вниз до самых бедер. Одной рукой фиксируя женщину у стены, другой коснулся ее живота. Я искал определенные координаты. Правый нижний квадрант. Яркая пигментация. Я водил пальцем по морщинистой коже, не давя.

Пусто. Кожа была чистой. Ни шрама, ни следа.

Она стояла полуголая, зажмурившись в ожидании изнасилования, а я смотрел на ее живот, чувствуя, как рассыпается моя логика. Выправив свою рубашку, оголил перед ней нижнюю часть живота.

— Что ты делаешь? — прошептала Санни.

— Ты свела родинку? Вот такую. Идентичную.

— Я не понимаю...

— Ты моя мать. Твое настоящее имя — Хлоя Энн Фишер.

Женщина впала в оцепенение, глядя то на мой пресс, то на лицо. В ее глазах не было узнавания — сплошной животный страх, как у рядовых должников.

Я натянул ее юбку обратно и застегнул на пуговицу.

* * *

Сигаретный дым висел в воздухе плотной взвесью. Я рассеял его ладонью. На мерцающем экране монитора была открыта анкета клиентки Паксбанка по имени Санни Мун. В объектив веб-камеры смотрело еще не потасканное и не обрюзгшее лицо женщины, сменившей имя. Прямо глядели голубые глаза. Я затаился, с силой затушил окурки и смахнул пепел со стола.

Зацепив со спинки стула пиджак, набросил его на ходу, выключил питание компьютера, погасил свет и вышел из офиса.

Псарня находилась в пятнадцати минутах ходьбы. Я шел, контролируя шаг. Солнце припекало, но я на него не отвлекался, глядя под ноги, чтобы не наступать на стыки тротуарных плит. Привычно перешагивая их, поддерживал комфортный ритм.

Перейдя дорогу, шагнул в подворотню и кивком поздоровался с вышибалой Цербером. Я смотрел не в глаза, а на пластиковую трубку в его горле. Говорили, что он получил пучеглазие и дыру в шее во время героической перестрелки. Псы уважали его за боевую травму.

Я же знал факты: он нажрался, угнал байк и вмазался в бетонную стену, получив пролом свода черепа. Самостоятельное дыхание не восстановилось, пришлось делать трахеостомию. Цербер знал, что я в курсе реалий, поэтому мы ладили.

— Гарм, давненько ты не захаживал, — пластиково прохрипел Цербер. — Этот капиталистический говнюк нервишки поди измотал?

— Я к боссу. Он у себя?

— У себя. Но не в себе.

Не задерживаясь, я вошел на территорию Псарни.

Мой ботинок и впрямь давно не ступал на асфальт заброшенного частного аэродрома. Раньше я не замечал, как много здесь нарушений системы. Резкий запах свиной крови мешался с металлической стружкой, прелым сеном от барачников и ржавчиной морских контейнеров. В них перевозили оружие. Тонны логистически неучтенных пушек.

Часть стволов снабжала террористов. Вторая — военных, которые гасили этих террористов.

— Гарм, сынок! — знакомый голос расслабил мою позу. — Парни, свалите отсюда к херам собачьим, хоча пообщаться со своим любимцем с глазу на глаз.

Когда двое бандитов, мельком взглянув на меня, отошли от босса, я сократил дистанцию между нами:

— Здравствуй, Хозяин.

Карлик похлопал меня по пояснице. Я позволял ему это. Телесный контакт с Хозяином не вызывал сенсорной перегрузки.

Он подвел меня к массивной фигуре, накрытой брезентом:

— Помоги-ка.

Я взялся за противоположный край накидки, и мы стянули ее. Нашим глазам открылась скульптура псоглавца. Острые уши торчком, узкая морда, но человеческое тело, одетое в ритуальное платье. В людских кистях божество держало песочные часы.

— Нравится? — спросил Хозяин.

— Не считываю... практической ценности.

Он раскатиисто засмеялся и погладил бронзовый постамент:

— Это, мой мальчик, древневалимистанское божество. Ему поклонялись в Даркане. Дарканцы верили, что по поступкам человека судят не на посмертном трибунале, а при жизни.

Я перевел взгляд на песочные часы.

— Ты правильно понял, — кивнул Хозяин, заметив мой взор. — Время — вот давление, под которым расколется любой камень. Каждая тварь подвластна циклу, и никто не сравнится с богом, потому что он лишен такой уязвимости, как деление жизни на периоды. Для него наша история — бесконечная цепочка недоразумений...

— Я не мыслю абстракциями, Хозяин, — прервал я. — Однако, если предположить, что ваш бог бессмертен, его система давно дала сбой.

Хозяин вздернул неаккуратные брови:

— С чего ты взял, Гарм?

— Вы сами сказали: время — это суд, некоторая метрика. Если создатель существует вне времени, он лишен метрик для оценки своих действий. Без системы оценки отсутствует обратная связь. Без обратной связи невозможна оптимизация процессов. Поэтому мы такие... — Я обвел взглядом свалку и бандитов. — Бракованные детали. Кровожадные ублюдки. Расплата за самоуверенность создателя, который выпустил продукт без тестирования качества.

Я отвернулся от скульптуры и запустил руки в карманы брюк. Хозяин смотрел на меня с тем же выражением, с каким секунду назад разглядывал бронзовую собаку.

— Но я пришел не за философией, — признался я. — Мне нужны деньги.

В блеклых глазах блеснул непонятный мне огонек. Хозяин одобрительно кивнул:

— Генри из тебя все жилы вытянул — ты заслуживаешь премию. Годы службы подходят к концу. Сколько ты хочешь?

— Пятьсот тысяч дебтов.

Улыбка исчезла. Он быстро осмотрелся и дернул меня за рукав, заставляя склониться:

— Сукин сын, если я узнаю, что ты подсел на ставки или что похуже, я вышибу тебе мозги.

— Ни то, ни другое, Хозяин.

— Тогда на кой хрен тебе такая баснословная сумма? — Хозяин сбросил мою руку. Прищурился и вмиг помрачнел. — В Робин Гуда решил поиграть? Да... Ради бабы, что ли?

Я не издал ни звука. Сфокусировал зрение на его правом ухе, в котором покачивалась золотая серьга.

— В иных обстоятельствах я бы порадовался, что твое механическое сердце способно тикать по бабьей указке, — выплюнул Хозяин. — Но ни одна киска не стоит таких денег.

В груди образовался обжигающий физический спазм; подскочило давление, и на кончиках пальцев закололо. Объекту «Мать» нанесли оскорбление, а это неприемлемо.

— Она и есть божество, — стальным тоном констатировал я. — Обойдусь без твоей помощи.

Развернувшись, пошел к выходу.

— Стоять! Стой, кому говорят! Я тебя еще не отпускал! — Хозяин швырялся угрозами мне в спину.

Парни Хозяина набежали, перехватывая траекторию, в ожидании команды от босса. Под моим правым носком скрывался стилет. На счет «один» я извлеку лезвие, а на счет «два» вскрою их сонные артерии с идеальной точностью. У меня не возникнет затруднения несмотря на то, что эти люди кормили меня, когда я был ребенком. Это не будет иметь значения.

Хозяин не идиот, он не стал играть со мной. Только в сердцах выругался и махнул рукой:

— Пускай чешет на все четыре стороны.

* * *

Небо затянуло штормовыми тучами. Я посмотрел на часы: три сорок семь. Ослабил ворот рубашки и откинулся на спинку скамейки. На дороге никого. Впереди — пляж, заваленный бумажными цветами и одноразовыми стаканчиками после ночной вечеринки. Волны накатывали с одинаковыми промежутками.

Я не спал всю ночь. Мысли не складывались в цепочку, веки опустились сами по себе.

Скамья качнулась — я вздрогнул, сдвинувшись в сторону, и уступил место Диего Корсо. Коренастый западнокалифорнийец смотрел на меня выпуклыми глазами.

— Как все прошло? — осведомился я.

— Ты... удалишь те данные? Удалишь? — с каждым словом его запрос крепчал. — Тогда и скажу.

— Под «теми данными» ты подразумеваешь видеозапись, на которой твоя дочь сбивает пожилую женщину на трассе Эн-Двадцать в состоянии сильнейшего алкогольного опьянения? — с расстановкой уточнил я и освободил ноутбук от чехла. Вывел на экран запись с уличной камеры. Наши Псы часто подтирали компромат за большие деньги. Я восстанавливал. Один файл среди тысяч других найти было несложно. — У нее все шансы поступить вместо приличного колледжа в женскую тюрьму строгого режима.

— Удали, — прошипел клиент, старательно уводя взгляд от монитора.

Самец пытается сместить разговор, чтобы защитить детеныша. Предсказуемо.

Сложив ноутбук на моменте, где пешеход отлетает на обочину, я треснул корпусом по лицу Диего. С силовым «с-сука!» он скорчился, зажимая окровавленный нос, но я не дал ему съехать на бок — схватил за воротник и закончил:

— Ты не в том положении, чтобы ставить мне условия.

Я потребовал, чтобы он пересказал события ночи от и до.

Диего рвано выдохнул и заговорил:

— В офис я попал по своему пропуску и до рабочего места дошел без проблем.

Он замолчал, глотая кровь, и я поторопился:

— Дальше.

— Историю нельзя просто удалить... Система это запомнит.

Значит, не удалял. Здесь сработал фокус с исчезновением. Одна мертвая душа. Один свободный кредитный код. Чистая подмена.

— Я взял идентификатор умершей клиентки, Линдеи Баум. Шесть лет как в земле, а счета, естественно, заморожены. К ее коду я и приписал долг Санни.

— И?

— Записал все как исправление старой ошибки.

Я выдержал паузу, анализируя его рассказ. Нельзя допустить ни единого просчета. Спросил:

— Ты удалил лог?

— Богиня с тобой. Это красная тряпка для аудиторов. Я отредактировал метаданные на несколько лет назад и подменил свой айди на уволившегося админа. Все гладко.

— С уволенным сотрудником не возникнет проблем?

Я мог убить его, чтобы замести следы. Озвучивать этого не стал.

— Нет. Он эмигрировал.

Я кивнул, убедившись, что работа выполнена по правилам.

— Я все сделал, как ты просил, — Корсо покачал головой. — Уничтожь компромат на мою дочь.

Развернув ноутбук экраном к Диего, нажал кнопку «Удалить».

«Вы действительно хотите удалить видео? Этот файл не подлежит восстановлению».

Я очертил пальцами клавишу ввода.

Не нажал.

— Ну же! Издеваешься? Я уже и так Паксману в тарелку насрал, если узнает — линчует нахер!

— Архив, Корсо. Ты умолчал о бумаге.

Диего торопливо заверил меня, что изъял карточку Мун из стеллажа с активными долгами и переложил в архив закрытых дел. Даже штамп «Погашено досрочно» поставил.

Я щелкнул по клавише, и видео стерлось.

Диего уронил голову, тряхнув влажными от пота кудрями.

— Как гора с плеч, — выдохнул он.

— Не обольщайся. Копию я оставил.

Он уставился на меня.

— Что?

— Страховку. Я никому не доверяю. Ты мне не амиго. Но сдавать твою дочь полиции мне тоже незачем. Если у Санни появятся проблемы из-за тебя, запись снова станет полезной.

— Молю Леди Миктлану, чтобы ты сдох в муках, ублюдок.

Диего харкнул под скамейку и ушел. Я подождал, пока его силуэт растворится в утренней дымке, и направился к матери, чтобы сообщить ей, что она теперь свободна.

Но не дошел. Из-за угла вырулил черный фургон и перекрыл тротуар, едва не отдавив мне ноги. Отъехала дверь — трое мужчин в масках дали по лицу и схватили за локти. Сумка с ноутбуком упала: устройство вылетело и проехало по асфальту.

Я не сопротивлялся, притаившись на время.

В салоне на голову надели вонючий мешок, и всю дорогу я слушал дегенеративные переговоры паксмановских наемников.

Мужик с истеричным голосом слева пнул меня в бок и спросил:

— Слышите, а че он не орет?

Под плотной тканью стало нечем дышать. Я попытался проверить перчатки, но запястья зафиксировали стяжками.

— А че ему орать? — голосом курильщика ответили за меня. — Сам сел, сам поедет.

— Интеллигенты орут громче всех, — возразил третий, спокойный голос. — У меня сосед тихоня тихоней. Как жена ему что поперек скажет — верещит так, что бокалы лопаются.

— Заткнись, Дэнни, — забасил курильщик. — Ты про жену соседа уже в третью смену втираешь.

Фургон затрясло на кочках. Я попытался вытянуть руки, но истеричный сосед дернулся рядом.

— А вдруг наш пленник пить хочет? — вновь сказал курильщик. — Эй, башка в мешке, ты пить хочешь?

Я промолчал, выворачивая кисть. Когда затягивали стяжки, развел предплечья, оставив зазор.

— Почти приехали, — объявил водитель гулко, видимо, из-за перегородки.

— Быстро сегодня! Без пробок, — обрадовался Дэнни.

— Потому что суббота, — заметил истерик.

— А, точно, — встрял курильщик. — Марти свой шаббат не пропустит.

— Заткнитесь оба, — осадил Дэнни. — Не теряйте бдительности рядом с психованным. Отчебучит еще что.

— Белый воротничок как белый воротничок, — усомнился курильщик.

— Кретин ты, Нейт, — огрызнулся Марти. — Он из Уличных Псов. Он стрелять научился раньше, чем дрочить.

В памяти всплыла очередь кадров со свинофермы: крики, выстрел, подошвы липнут к крови. Внезапно кисть полностью выскользнула из узла стяжки.

Тело сработало на мышечной памяти. Левая рука сорвала мешковину, правая выхватила у Марти пистолет и выстрелила в лицо. Второй патрон — в тихого Дэнни, третьим ранил курильщика. Нейт оказался живучим — он дал сигнал водителю, фургон резко затормозил, и я упал прямо в его руки. Он стиснул пальцы на моей шее.

Я приставил дуло к его лбу и выстрелил.

Вхолостую.

— Не свезло! — Нейт скрутил меня, открыл дверь и вышвырнул из авто прямо к ногам Генри Паксмана.

— Вижу, добрались не без приключений, — заметил он, выставяя руку. Ему в ладонь вложили пистолет Марти, изъятый у меня. — Минус двое личного состава. — Он причмокнул. — Мой цепной песик перенервничал в дороге.

Нейт с водителем встали по обе стороны от меня. За плечи усадили на колени — я поднял взгляд на бывшего босса. Тот заговорил:

— Знаешь, Гарм, я думал, мы с твоим Хозяином договорились. Вы с Фенриром работаете на меня, а я списываю долги за мальчишеские игры с продажей пукалок.

Закрапал дождь. Из-за мутных стекол очков не мог разобрать, где мы находимся. Пахло сырым черноземом, мы стояли посреди насыпной дорожки.

Паксман потянулся к моему лицу. Я рефлексивно дернулся от чужого прикосновения, но он просто снял с меня очки и протер их лапами пиджака.

— А ты полез в базу данных, дурачок. Сунул шаловливую ручку в мой пруд и вытащил оттуда одну маленькую рыбку. — Мне вернули аксессуар, и я смог рассмотреть, что мы на кладбище — рано утром оно было закрыто и пустовало. — Я полагал, что от тебя, от тебя, подчеркиваю, спонтанных выходок можно не ждать. Ты же как робот. О, я любил киборгов в детстве. Любил играть с ними, пока мой отец не стал одним из них. Ему оторвало половину тела, а добрый доктор приварил к мясу экзоскелет, и впоследствии мой папаша воевал на смешных металлических ножках.

Микроэмоции на породистом лице не поддавались моему анализу. Паксман положил руки мне на плечи, наклоняясь, и обдал висок дыханием:

— Ты думал, я не узнаю? Система безопасности оповещает меня, если кто-то вносит изменения в архивные записи старше одного года. Ха-ха, вот ведь я удивился, проснувшись от такого оповещения в три утра!

Я не ответил.

Он усмехнулся и отстранился.

— Молчишь? Хороший мальчик, умный песик. А что о Санни Мун... — Он растянул ее имя, как конфету-тянучку, и мой рот наполнился вязкой слюной. — Я удвою ее долг... Утрою. Проценты на проценты, да поможет нам математика. И пошлю к ней отъявленных насильников и убийц, солдатню с ПТСР. Недавно такого охранника в тюрьму засадил — поверь мне, не люди, а белая кость!

Пальцы сами потянулись к перчаткам и подтянули по шесть раз каждую.

— Как трогательно, — Паксман заметил мой ритуал. — Ты, бездушная тварь, кого-то жалеешь? Интересно.

— Я убью тебя.

— Слов на ветер не бросаешь, знаю. — Паксман сцепил руки за спиной и улыбнулся. — Парни, покажите ему.

Прежде чем я сориентировался, меня грубо схватили под локти, протащили по траве и бросили на чью-то могилу. Я испачкался в мокрой земле. Три тени расплозились по надгробию. Одна из «теней» заговорила голосом Генри Паксмана:

— Прочти эпитафию.

Я тяжело посмотрел на него. В груди нарастало давление. Паксман повторил:

— Имя. Прочти его.

«ХЛОЯ ЭНН ФИШЕР

Любящей матери и великой женщине от братвы из У.П.»

Я прикоснулся к гравировке. Ее озарила вспышка молнии, и следом над головой прогремел гром. Система не выдала инструкцию — я не знал, что делать с новой информацией.

— В чем ее величие, я не знаю, но рогатку перед карликом она раздвинула не от большого ума, очевидно. — Генри вроде не шутил. Я не понимал, как классифицировать его слова. Он нарушал неизвестный мне протокол. — Кто твой отец, мне доподлинно неизвестно, но Хозяин Хлою любил. Поэтому забрал к себе на попечение «прицеп», когда грузовик перестал тянуть. Рак быстро ее убил.

Я ждал, что мать вернется. Хозяин скрыл тот факт, что она мертва.

— Шлюшка Санни — милая обманщица. Она обвела тебя вокруг пальца, а ты и рад был обмануться. Я не осуждаю, мы, бывает, сбиваемся с пути. Ты всего лишь человек, и даже не киборг, как мой отец. — Паксман поджал губы, расставив руки. — Я не держу на тебя зла. Даже за то, что ты вырезал двух моих парней.

Я взглянул на фургон: открытый салон был залит кровью. Перевел взор на банкира и спросил:

— Что ты требуешь взамен на прощение?

— А ты тоже неплохо меня знаешь. Честь превыше всего. — Он подошел ко мне, преградив вид на плиту. — Что бы тебе такого придумать... Хм... А знаешь, не переживай. Ничего не надо.

В его словах сквозила фальшь, но я не смог считать подтекст. Надо было встать с колен. Но как только я зашевелился, Генри добавил:

— Просто оближи мои ботинки.

— Что?

— Проси прощения. — Он выставил ногу в мокром броду. — Ты — провинившаяся псина. Вот и вылижи мою обувь, как подобает домашнему животному. И мы забудем о досадном инциденте.

Со стороны наемников послышались смешки.

Я расставил руки и покорно склонился над обувью. Чувствовал взгляд Паксмана на своем затылке. Гадко. Я должен. Мне противно. Я обязан. Вырвет. Это приказ. Он мне не босс. Он еще начальник. Меня вывернет. Меня вывернет.

Это антисанитария.

Антисанитария.

Мне велели. Я должен выполнить установку. Задача поставлена — должна быть доведена до конца. Мои губы зависли в дюйме от блестящей кожи. Генри нетерпеливо дернул ступней.

Раз. Два. Три.

Все произошло молниеносно. Выхватив стилет из ножен, я пригвоздил стопу Паксмана к земле.

Он завопил, а я, поскользнувшись, рванул прочь.

— Чего встали, остолопы?! — зарычал банкир. — Не дайте ему сбежать!

Прямая траектория моего бега сменилась зигзагом, чтобы нивелировать урон. Помчался вниз по холму и услышал три выстрела. Последний влетел мне свинцом в поясницу. Нога подкосилась, но я сумел удержаться и на остатках сил втопил что есть мочи.

В тенистом парке я разрешил себе остановиться. Адреналин сходил, а боль усиливалась. Облокотившись о дерево, поднял одежду, отлепил рубашку от раны и заглянул через плечо. Пульсирующая боль. Интенсивность — высокая. Кровопотеря — критическая.

Я огляделся. Через деревья поблескивали корпуса автомобилей. Зажимая рану, вышел к парковке. Подергал ручку машины: заперта. Тогда я развернулся и выбил водительское стекло локтем. От кровопотери немели конечности, но мне удалось вскрыть замок, снять приборную панель и завести автомобиль согласно инструкции одного Пса-угонщика. Я вырулил и, сделав резкий разворот, поехал в соседний район.

Бросив машину на третьем парковочном месте напротив дома должника, вывалился из салона. Я поднялся на ноги, которые отказывались держать вес, и потащился к дому бойфренда Санни Мун.

Лужайка уже не залита светом. Скрученный шланг брошен рядом с клумбой влажных после дождя цветов. Я опустился на четвереньки, не в силах стоять. Больше не прямоходящий. Склонившийся примитив.

Мои расчеты оказались ошибочны. Окна забиты, дверь заперта.

Подергав ручку, со скрипом скатился на крыльцо. На разохшемся дереве осталась кровавая борозда.

Свернувшись под дверью в клубок, я закрыл глаза.

ДОКТОР

— Пульс падает, Док, — сообщил Адвокат.

Я даже не подняла головы. По локоть в крови, выводила нейроиглой контакт в височной доле Маньяка, глядя на трехмерную карту мозга на мониторе. Второй час операции. Третьей за ночь. Я не резиновая, но почти справилась. Нейросеть уже была введена через фрезевое отверстие в черепе, а нано-проводники расползались по коре, как корни одуванчика по асфальту. Остался тонкий шаг — синхронизировать Репликатор с таламусом и замкнуть в миндалевидном теле.

А этот рыжий гондон решил испустить дух на моем столе.

Я почувствовала прикосновение золотого кулона к потной коже под костюмом. Не время напоминать о себе, любимый. Не сейчас.

Адвокат не отрывал взгляда черных глаз от показателей. Хирургическая форма на туше сидела как на корове седло, а с мясистого носа без конца стекал пот и раздражающе капал на кафельный пол. Я его взяла только ради лишней пары рук, а теперь он астматически свистел и мешал сосредоточиться.

— Сто двадцать... сто девяносто... — диктовал он. — Помоги ему Господь.

— Я не слепая.

Я скосила глаза на монитор: показатели Маньяка плясали в алом секторе. Сердце — сорок ударов и с каждой секундой показатель падал ниже. Сатурация — восемьдесят. Давление — охерительно низкое. Грудная клетка резко поднялась, словно он пытался вдохнуть. Глаза закатились, остались только влажные, точно у дохлой рыбы на прилавке, белки. Из уголка рта выступила пенная мокрота с кровавыми прожилками.

— Дрянное дело, — прошептал Адвокат. — Он в сознании.

— Не смей, рыжая сволочь... — я вытерла лоб наплечным рукавом.

Кончик нейроиглы дрогнул над последним контактом. Мне следовало взять себя в руки и довершить начатое, но отвлекающий фактор скрывался в каждой мелочи. Адвокат встал сзади, отрезая свет прожектора, и предупредил:

— Остановись, иначе он умрет.

— Ты загораживаешь освещение. — У меня дернулась щека. — И вообще, покинь операционную, если собрался мне мешать. Здесь я решаю, когда заканчивать.

— Дон будет не в восторге от твоего самоуправства. — Адвокат все-таки отошел, возвращая нормальный свет. — Ты сумасшедшая.

Я перехватила манипулятор и ввела нейроиглу глубже. На экране микроскопа серебрились нано-проводники, уже добравшиеся до гиппокампа.

Рожай, мамуля. Не оставляй нейронку сиротой.

— Давление пятьдесят на тридцать, — сквозь зубы произнес Адвокат. — Доктор, ради Бога...

— Помолчи!

Я не позволяла себе такую роскошь, как паника, но пальцы дрожали, пот заливал глаза, а мысли невольно уносились в прошлое. Я замыкала цепь за цепью и вместо рыжих волос видела темные, вместо белой кожи — черную. Соберись, сучка! Думай о том, как соединять контакты.

Маньяк лежал с открытым ртом и закатывшимися глазами. Писк монитора сменился ровным гулом, а дерганная ветвь выпрямилась.

— Сердце остановилось. Ну и чего ты добилась?

Бросив манипулятор на столик, я рванула к реанимационной стойке и подтащила её к пациенту.

— Асистолия, — выдохнул Адвокат. — Всё.

— Ничего не всё. Приступай к компрессиям. Как будет доступ, вколем адреналин. Я схватила мешок Амбу и принялась вгонять пациенту кислород.

— Ты же сама знаешь: асистолию не бьют током.

— Мне плевать на его сердце, — прорычала я, продолжая ритмичные нажатия. — Мне нужен его Репликатор.

Адвокат, пыхтя, навалился на грудь Маньяка. Под его ладонями тело ритмично подавалось вниз. Я сорвала дефибриллятор со стойки и налепила электроды на покрытую багровыми пятнами грудь.

Электрический импульс должен был задеть нервные узлы, к которым я подключила Репликатор, и перезагрузить матрицу.

Заведём машинку с толкача.

— Отойди. Разряд.

Адвокат отдернул руки. Как тело дернулось на столе, я видела уже боковым зрением, потому что гипнотизировала монитор. Давай, выдай мне реакцию. Хоть что-то. Черт. Черт, черт, черт. Прямая линия.

— Продолжай, — скомандовала я.

Адвокат тут же вернулся к компрессиям. Я продолжала вентилировать легкие: два вдоха без гипервентиляции — и ввела адреналин. Ничего.

Сомкнув губы, я крутанула регулятор дефибриллятора до отметки в двести джоулей. Те же манипуляции, но уже с тяжелым ожиданием грандиозного провала. Писк машины вырывал из реальности, перенося в худший кошмар прошлого.

«Твой призрак преследует меня», — прошептал разум.

Маньяка подбросило сильнее, его голова мотнулась набок, но картинка монитора осталась неизменной.

Гребаная асистолия.

— Компрессии!

— Доктор...

— Отойди, я сама!

Триста — разряд, четыреста — разряд. Все без толку! Зеленая черта на выпуклом экране проделывала дыру в моей компетентности. В маске стало невозможно дышать, я сдернула ее, порвав резинку, и швырнула в лоток.

Грудь Маньяка покрылась красными пятнами от электродов. Он выглядел мертвым. Потому что и был, сука, мертвее мертвого.

— Ты в очередной раз сглупила, — прохрипел Адвокат. — Дону я обо всем доложу.

Я не взглянула на него, чтобы не показывать мокрые от обиды глаза.

— Хрен тебе, — сказала я всем сразу: и Адвокату, и Дону, и Маньяку. — Иммунка взбунтовалась? Посмотрим. Адвокат, преднизолон.

— Что?

Ассистент отплыл куда-то далеко. Думал о своем братце, ублюдок.

Я пощелкала перед его потным лицом.

— Неси. Преднизолон.

Адвокат заметался, но принес все необходимое. Я выхватила у него шприц и ввела Маньяку сразу три дозы. Бесполезно и смешно полагать, что это подействует.

Но еще более глупо было сделать то, что я собиралась дальше.

Перевела взгляд на трехмерную карту мозга: нейросеть уже наполовину выросла в серое вещество. В конце концов уставилась на ублюдка, который решил сдохнуть в самый неподходящий момент.

Я выпустила весь воздух из легких, прикрыв веки, и с новым вдохом довела нейроиглу до конечной точки.

— Что ты делаешь? — прохрипел Адвокат.

Я не ответила. На проекции последний контакт мигал красным в области миндалевидного тела. Коснувшись кончиком нейроиглы конечной точки, отступила на шаг и выждала секунду. Вторую, третью... Я гипнотизировала монитор, беззвучно шевеля губами.

Прямая линия не дрогнула. Чуда не случилось. Что-то на грани фантастики, а я атеистка.

Адвокат смотрел на меня, угрюмо потирая подбородок. Я стянула перчатки и швырнула их в лоток с отходами. Подойдя к монитору, выдрала провод из розетки.

Глаза Маньяка так и остались закатившимися — два соляных камня в орбитах, которые я поспешила спрятать под простыней. Слишком жутко этот парень пялился.

— Отметь в журнале, — сказала я ровно. — Испытуемый Номер Три «Маньяк» не пережил активацию. Причина — острая комплемент-опосредованная псевдоаллергическая реакция² на этапе активации импланта. Сердечная деятельность не восстановлена.

Адвокат не сдвинулся с места. Он смотрел на меня так, будто я только что прикончила его собственными руками.

— Ты оглох? — я повысила голос. — Иди. Отмечай.

— Острая комплемент-опосредованная псевдоаллергическая реакция... — жарким эхом повторил он, поглядев исподлобья. — Парный случай, да?

Меня прибило к земле. Я поскрежетала зубами, закусила губу до боли. Он прав. Я дважды проигнорировала один и тот же лабораторный профиль.

Вместо объяснений выпалила Адвокату в спину:

— Не смей припоминать мне Джея-Ди. Я тоже любила его.

Адвокат выскочил из операционной, оставив шлейф осуждения. Сукин сын.

Подойдя к столу, оправила простыню, которой были прикрыты ноги Маньяка.

— Мне правда жаль, — сказала я тихо. — Ты был красивым экземпляром.

Тело коченело под белым светом ламп. За стеклом, прямо по коридору, в реабилитационной палате ждали своей участи обновленные Шериф и Путана. Они еще не знали, что их напарник только что не доехал до финиша.

Что ж, два из трех — это не самый дурной исход. Перед Доном объяснюсь как-нибудь.

Я прикоснулась к сердцеобразному бугорку между ключиц.

«Джей-Ди...»

² Ложная аллергия, возникающая при активации системы комплемента крови. Реакция может произойти из-за того, что белки крови распознали частицы чужеродного предмета (нейроимпланта) как опасный антиген, что спровоцировало иммунный взрыв.

АДВОКАТ

Помочившись, я застегнулся и подставил руки под холодную струю воды. Посмотрелся в мутное зеркало. В уборной стояла тишина, только гудели и щелкали неисправные лампы дневного света. А в моих ушах по-прежнему стоял мерзкий писк остановившегося монитора Маньяка.

Прошло три дня со дня смерти

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.